

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

АНДРЕЙ ВЕЛИЧКО

ФАГОЦИТ
ЗА СЕБЯ И ЗА ТОГО ПАРНЯ

Героическая фантастика

Андрей Величко

Фагоцит. За себя и за того парня

«Махров»

2018

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Величко А. Ф.

Фагоцит. За себя и за того парня / А. Ф. Величко — «Махров»,
2018 — (Героическая фантастика)

ISBN 978-5-04-095900-6

Шестидесятые годы двадцатого века, Советский Союз. Лучшие годы страны. Время, когда люди поверили в светлое будущее, когда жизнь с каждым годом становилась лучше... или время, когда окончательно сформировались основные факторы будущего развала СССР – полнейшая деградация партии, криминализация торговли, неповоротливость планового хозяйства, разочарование народа в коммунистических лозунгах и многое другое? Вопрос непростой, но нашему современнику придется в нем разобраться – ведь ему же теперь там жить.

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-04-095900-6

© Величко А. Ф., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Величко
Фагоцит. За себя и за того парня

© Величко А.Ф., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

У меня вообще-то довольно много профессий. Институт я окончил со специальностью «производство полупроводниковых приборов», но работать начал в НИИ, занимающемся авиационной радиоэлектроникой, которая в то время была исключительно ламповой. Однако режимное предприятие ни малейшего восторга у меня не вызывало, и, как только были отработаны три года по распределению, я перебрался в ФИАН. После чего сменил еще два места работы, оставаясь, однако, электронщиком-универсалом, тогда такие еще были. Сейчас их практически нет, но не потому, что люди стали глупее, а просто сама электроника неизмеримо усложнилась.

Впрочем, одной зарплаты мне всегда не хватало, причем независимо от ее величины. Хотелось как минимум полторы, а лучше даже две или вовсе две с половиной. Вопреки довольно распространенному сейчас мнению, в Советском Союзе никаких особых проблем с этим не было – если, конечно, не зарываться. Я ремонтировал магнитофоны, телевизоры, утюги и велосипеды, собирал на заказ звуковые усилители высшего класса, в том числе и на не любимых мной лампах, а после выхода ВАЗа на проектную мощность заметной статьей дохода стали автомобильные сигнализации. В общем, я не бедствовал ни при социализме, ни после. И сейчас не жалею. Пенсия, конечно, небольшая, так я и не пытаюсь жить только на эту нищенскую подачку от государства. Китайские сварочные инверторы, скажем прямо, это вещь. Схемно они все застыли на уровне девяностых годов прошлого века, то есть ремонтируются без особых проблем, зато горят хорошо, особенно дешевые, то есть самые массовые. Но, впрочем, не сварочниками едиными жив человек. Недавно появились гироскутеры и моноколеса, а это тоже не совсем образец надежности, особенно в малобюджетном секторе. В общем, я еще не настолько обнищал, чтобы брать деньги за то, что у меня получается чуть ли не хуже всего, что я умею, но все-таки получается. И что я считаю самым главным своим талантом. И случаев, когда мне удавалось достичь хоть какого-то успеха именно в таком качестве, было не один и не два. Как именно выглядел тот самый успех? А вот об этом, пожалуй, лучше рассказать немного погодя. Хотя... чего тут особенно скрывать-то... в общем, я слабый, не очень умелый, но все-таки экстрасенс.

Глава 1

Примерно полгода назад у меня появились небольшие неприятности, начавшиеся с визита участкового.

– Виктор Васильевич, – заявил он, – к нам пришел сигнал, что вы занимаетесь незаконной коммерческой деятельностью.

Блин, без особого расстройств подумал я, кто же настучал-то? Сергеич, которому уже третий раз восстановил его безымянный сварочник? Да нет, скорее та нервная мамаша с гирскутером. Впрочем, хрен они что докажут, левых денег на карту я не принимаю принципиально, отговариваясь общей дремучестью. Интересно, у участкового хватит полномочий инициировать блокировку моего счета или нет? Наверное, нет, ибо если бы он мог, то уже это сделал бы, а только потом пошел разговаривать. Или я о нем зря плохо думаю?

Дальнейшая беседа показала, что это скорее всего так.

– Вы лечили гражданина Ликина?

– Нет, – с чистой совестью ответил я. – Просто поговорил с ним, попытался успокоить. Он пришел ко мне сильно напуганный своей язвой, думал, что на самом деле у него рак. Откуда он взял, что я народный целитель и могу ему помочь, понятия не имею. Наверное, наплела соседка с третьего этажа, у нее с головой давно не порядок. Ну, чтобы его успокоить, я над ним помахал руками и сказал, что никакого рака у него нет, а язва скоро сама заживет. Никаких денег он не предлагал, да я бы и не взял.

– Вас не затруднит написать все, что вы сказали, в виде объяснительной?

– Разумеется.

Я быстро сочинил отписку, отдал ее участковому, а потом еще почти час расстраивался по поводу людской неблагодарности. Этот Ликин, когда я отказался от денег, похоже, решил, что я ему обязан по жизни. И, благо язва действительно зарубцевалась (кстати, не факт, что именно от моих усилий), явился чего-то требовать, да еще и пьяным. А пьяные мне противны, поэтому я не спустил его с лестницы только потому, что он мгновенно понял мои намерения и слинял сам. А теперь, значит, кляузы пишет? Да чтоб он сдох, зараза!

Весь остаток дня я злился, сам себе удивляясь, потом ночью снилось что-то, чего не удалось вспомнить, проснувшись. Зато встал в самом радужном настроении. Ей-богу, так и хотелось вот прямо сейчас сделать хоть кому-нибудь что-то хорошее! И только к обеду настроение пришло в норму. Это что, уже старость? Как-то я себе ее влияние представлял немного не так.

Вот только вскоре я случайно узнал, что этот Ликин помер именно тем прекрасным утром. С вечера нажрался до свинского состояния, ну, а утром – острая сердечная недостаточность. М-да-а... в принципе, конечно, это все скорее всего чисто случайно совпало. А если нет? Вот ведь не было б печали! Нет уж, экстракиллером я подрабатывать не буду, даже не уговаривайте. Но если не брать денег, а действовать исключительно из высших гуманистических побуждений, это ведь совсем другое?

Тьфу, вот ведь гадость какая в голову лезет, попенял я сам себе. И напомнил себе же, что далеко не факт, будто мои способности являются моей личной заслугой. Не исключено, что здесь отметилась какая-то высшая сила из принципиально непознаваемых мной соображений. И, значит, ее лучше зря не злить всякими такими левыми мыслями, вдруг она действительно есть. А то ведь невзначай и ответка может прилететь.

Вот уж не знаю, была ли тут связь, но в течение трех с лишним месяцев после этой истории я ни к кому свои способности не применял.

А вот тут, пожалуй, не помешает кое-что уточнить.

Я не умею взглядом зажигать или гасить огонь, ко мне не липнут гвозди, вилки и прочие железные предметы. Телекинезом не владею, чужих мыслей не читаю. Предсказывать будущее даже не пытаюсь за полной бесполезностью этого занятия, равно как и искать пропавших людей по фотографии.

Мне удастся только лечить. Людей, собак, кошек точно, это я делал, и довольно часто неплохо получалось. Голубей не пробовал и пробовать не буду, ибо не люблю этих летучих крыс. Не исключено, что могу прогнать тараканов, но наверняка утверждать этого не стану – было-то всего один раз, и, может, они тогда из квартиры сами ушли. Более того, и человека-то я способен вылечить не от всего и не всякого. И очень редко получается, чтобы сразу и до конца. Реальный результат – пациенту становится лучше, и дальше он потихоньку выздоравливает сам. А иногда бывает, что и не выздоравливает.

Если усреднить, то дело обстоит примерно так. Из десяти моих благотворному влиянию поддадутся двое, на остальных я вообще никак воздействовать не смогу. Причем это чувствуется сразу, с первых секунд общения.

Из оставшихся двоих одного будет лечить довольно трудно, а результат окажется умеренным. Таким был не к ночи будь помянутым Ликин, например. Отчего я и сомневался, мое ли воздействие ему помогло или с язвой все-таки справились врачи в поликлинике.

И, наконец, последнего, десятого, я буду чувствовать как себя, и результат воздействия окажется соответствующий. Мне ведь не нужно знать, как медики называют его болезнь – язва желудка, рак поджелудочной железы или межреберная невралгия. Достаточно взять человека за руки, мысленно стать им и постараться справиться с его недугом, как со своим. Это действительно возможно, хотя иногда сеанс может длиться пару часов, да еще одного и не всегда хватает. А со своими болячками я справляться умею. В шестьдесят шесть лет я даже не знаю, где моя районная поликлиника, хотя живу в теперешней квартире уже девятый год после того, как снесли мою старую пятиэтажку. Во-первых, мне к врачам не надо. А во-вторых, если кто-то из них вдруг внимательно изучит мое здоровье (понимаю, что фантастика, но все же) да еще доложит результаты наверх, это станет мощным аргументом за повышение пенсионного возраста. Нет уж, перебьются.

Ладно, это я немного отвлекся. Есть и еще одно ограничение. Исцелив кого-то хоть от зубной боли, я на какое-то время теряю свои трансцендентные способности, даже себя в случае чего подлечить не могу. Иногда это продолжается пару дней, иногда неделю, а один раз затянулось на полтора месяца. Причем от тяжести состояния пациента это не зависит совершенно! А от чего – да хрен его знает.

Так вот, после контакта с безвременно откинувшим копыта гадом Ликиным я на целых три месяца впал в недееспособность. Даже начал беспокоиться, что это навсегда, но тут мои способности вернулись, причем резко и не совсем обычно.

Когда пациент рядом, особенно тот, который в моей классификации «десятый», я чувствую, что ему нужна помощь – иногда даже до того, как возьму его за руки. И, кстати, если эту самую помощь не оказать, то получается какой-то откат. Дерьмом я себя начинаю чувствовать, причем в буквальном смысле слова. Полная иллюзия, будто воняю, причем на редкость омерзительно, аж голова кружится. Было такое со мной один раз, в метро во время давки. Может, действительно следовало наплевать на приличия и сказать «женщина, извините, но вы серьезно больны, и я могу вам помочь»? Так ведь небось послала бы. В общем, ощущения потом были весьма далеки от положительных.

И, значит, возвращение способностей началось с того, что я почувствовал – кому-то нужна моя помощь. Очень нужна, человек умирает. На основании предыдущего опыта могу сказать – для столь сильного ощущения нужен установившийся тесный контакт. Но я в квартире один! И соседняя стоит пустая, ее жильцы на днях всей семьей уехали отдохнуть в Египет.

На всякий случай я вышел и позвонил в дверь соседям – мало ли, вдруг кто там остался и ему нехорошо? Но никакой реакции на мой звонок не последовало. И вообще ощущения стали слабее, как будто я удалился от объекта.

Быстро выяснилось, что сильнее всего меня нахлобучивает около дивана. Да что же это такое, ко мне пробрался какой-то человек-невидимка, разлегся тут и заболел? Причем не только невидимка, но еще и неощутимка до кучи. Привидение вызывает о помощи? Так оно хоть посветилось бы, что ли! Не умею я колдовать вслепую. Лечь, может, на этот диван, глядишь, ситуация немного прояснится?

Я так и сделал и, что удивительно, вскоре задремал. Да ладно, чего уж тут выбирать осторожные эпитеты! Просто заснул, или даже задрых. Вплоть до того, что мне приснился сон. И не сказать, что такой уж приятный.

Я лежал и смотрел в потолок. Грязно-белый, в трещинах, а чуть в стороне от поля зрения на толстом перевитом шнуре висела лампа без абажура. Кстати, даже такое простое движение, как еле заметный поворот головы, мне удалось с большим трудом. Чувствовал я себя отвратительно, голова болела, а всего остального просто не ощущалось. И в этом сне подлечить себя у меня не было ни малейшей возможности. Причем я отчетливо понимал, что это именно сон.

Тут в помещение, где я валялся, зашли люди. Судя по шагам, не меньше трех человек, со слухом во сне все оказалось в порядке.

– Младший сержант Скворцов! – заговорил один из вошедших. – Несчастный случай на учениях! Контузия, черепно-мозговая травма, третьи сутки в коме...

Дальше он продолжал, похоже, на латыни.

– В коме? – переспросил другой голос. На слух – существенно старше первого. И по возрасту, и по положению – чувствовались такие начальственные нотки.

– Кажется, из комы наш пациент уже вышел. Ну-с, товарищ сержант, как самочувствие?

Так как дело происходило во сне, то я собрался было ответить «гусь свинье не товарищ», однако вовремя понял, что столь длинной и сложной фразы мне в теперешнем состоянии не осилить. И просто просипел:

– Хре... ново...

А потом в глазах потемнело, и я проснулся.

Настроение было безоблачным, и вообще испытывалась легкая эйфория. Так со мной иногда бывало после удачно проведенного сеанса, но сейчас я вроде никого не лечил. Кроме того, все мои способности при мне, причем они практически на максимуме! Чудеса, да и только.

Я глянул на часы – поспал часа полтора, нормально. После чего сходил ополоснуть физиономию и, уже вытираясь, обратил внимание на еще одну странность.

У многих, не только у меня, запомнить сны получается редко и только по специальной методике. То есть, еще не до конца проснувшись, человек обычно хорошо помнит все произошедшее с ним во сне. Но стоит пошевелиться – и половины воспоминаний как не бывало. Встал – испарилась еще половина, уже от оставшегося. Прошелся до туалета и обратно – и хорошо, если помнишь, на какую тему был сон, но часто не остается даже этого.

Эту закономерность можно обойти. Надо всего лишь сразу прокрутить в памяти все произошедшее во сне – ну вроде как снять резервную копию. Сами воспоминания и в этом случае, как всегда, быстро исчезнут, но копия останется.

Вот только я давно подобным не занимался. Зачем? Емкость человеческой памяти не бездонна, и не стоит засорять ее не пойми чем, особенно в не таком уж юном возрасте. Поэтому я бы несколько не удивился, не обнаружив почти никаких воспоминаний о недавнем сне. Однако удивляться пришлось другому – все они остались в полной неприкосновенности. При желании

я мог восстановить чуть ли не каждую секунду! А уж каждую минуту – наверняка. Не забылись даже незнакомые слова, что произносились там в моем присутствии. Ну прямо какой-то день сюрпризов, право слово.

В общем, я решил считать, что мои способности вышли на новый уровень и теперь я могу воздействовать на страждущих дистанционно и не имея ни малейшего понятия о том, где они находятся и кто это вообще такие. Вон, похоже, помог какому-то солдатику, и это хорошо. А если мне все просто приснилось, то тоже неплохо, сил-то я на это не потратил.

Примерно через неделю я вновь почувствовал то смутное беспокойство, которое недавно заставило меня лечь и увидеть сон. Только теперь оно было гораздо слабее, если бы не прошлый раз, я бы вообще не понял, что это, и не обратил бы особого внимания. А так – лег, повернулся и, задремав, увидел продолжение.

Оно было довольно странным. Мне снилось, что я лежу в полной отключке, то есть без сознания. Своеобразное, доложу вам, ощущение! До сих пор со мной такого ни во сне, ни наяву не случалось – чтобы лежать без сознания и прекрасно это понимать. Вот только чем бы заняться, скучно же! Глаза не открываются, ничего не слышно и почти ничего не чувствуется.

Однако занятие быстро нашлось. Оказалось, что я могу немного помочь этому организму, не важно, порождение ли он моего сна или некто реально где-то существующий. Ну, я и начал помогать. Время в такой ситуации ощущалось так себе, но явно прошли не минуты и даже не десятки минут. Часов пять как минимум, а то и все десять. Наконец организму стало лучше, он уже совсем собрался прийти в сознание, и я проснулся.

Первым делом глянул на часы – вот те раз! Спал-то всего минут сорок пять. Но что на помощь потустороннему пациенту ушло намного больше времени, тут сомнений быть не может. Значит, это все-таки сон, только там за час-другой реального времени может пройти неделя. Жалко – выходит, примерить на себя роль великого гуманиста, без колебаний бросающегося на помощь ближнему, не получится. Ну да ладно, обойдусь, сон так сон. Зато можно не волноваться, что я там натворю чего-нибудь не того. Хотя, конечно, лучше особо не безобразить. Учиню-то какую-нибудь глупость я, может, и во сне, зато стыдно будет наяву.

Эти сны посещали меня еще несколько раз, хоть и не каждый день. Пациент потихоньку поправлялся, причем выяснилась интересная подробность.

Сначала я обратил внимание, что реальная продолжительность сна (не всякого, а только такого, в котором я переносусь в того контуженного парня) постоянно сокращается. То есть я ложился, засыпал, потом лежал уже в теле пациента, потихоньку лечил его, просто так пялился в потолок, слушал разговоры медперсонала, потом засыпал и просыпался в своей квартире минут через пятнадцать. Причем спать мне не хотелось совершенно – как будто я продрях часов семь, если не вообще восемь. Что интересно, и по ту сторону сна было то же самое. Поэтому приходилось часов по пять подряд делать вид, что пациент спит, а то не дай бог его снотворными пичкать начнут.

Еще одним дополнительным аргументом за то, что это все-таки сон, было то, что о пациенте я почти ничего не знал. Почти – это потому, что за время лежания я из разговоров окружающих узнал, что меня здесь, как и в реальности, зовут Виктор, зато фамилия Скворцов, а не Антонов. Звание – младший сержант. На учениях что-то взорвалось, и мне хорошо прилетело. Все думали, что я вот-вот склею ласты, а я вдруг взял и ожил. Чудеса, да и только!

Впрочем, скоро выяснилось то, что лично на меня произвело куда более серьезное впечатление. Ну, что пациент не помер – это хорошо, но не так чтобы удивительно – я же его сам вытягивал. А вот заявление медсестры о том, что совсем недавно в космос летали Николаев и Попович, меня сбило с толку.

– Э... а какой сейчас год?

– Бедненький, эк тебя приложило-то! Шестьдесят второй у нас год, какой же еще. Одинадцатое октября сегодня.

– А где я?

– Даже этого не помнишь? Да ты не пугайся, тобой сам Максим Илларионович занялся, а к нему лечиться приезжают аж из Хабаровска и Читы. В Белогорске мы, это армейский госпиталь. Вылечит тебя наш доктор, ты не думай, он и не таких на ноги ставил.

Ага, подумал я, мне снится, что у меня амнезия. Да и ладно, настоящую-то свою жизнь я прекрасно помню, а что приснившуюся начисто забыл, это не страшно, мне ее небось скоро расскажут. А лежу я, значит, в том Белогорске, что в Амурской области, а не в том, что в Крыму. Там бы про Читку и Хабаровск не говорили. Вообще, конечно, сон увлекательный. Надо же, шестьдесят второй год! Это ж можно, например, вылечившись, съездить в Москву, улучшить момент и с чувством плюнуть Хрущеву на лысину. Сон же! Или все-таки не стоит?

На ближайшем обходе Максим Илларионович специально задержался у моей койки, дабы уточнить глубину постигшей меня амнезии. После вопроса об имени и фамилии он спросил год рождения, который я, естественно, не помнил. Оказалось, что пациент родился третьего мая сорок первого года.

Про учения, из-за которых я здесь оказался, ответ был стандартный – не помню.

Тогда доктор поинтересовался:

– В каком году было Бородинское сражение?

– В тысяча восемьсот двенадцатом.

– Сколько будет восемью восемь?

– Шестьдесят четыре.

Подумав, я добавил:

– Двадцать пять в квадрате – шестьсот двадцать пять. Лондон из зе кэпитал оф Грейт Британ, производная синуса равна косинусу того же аргумента, лошадь... то есть тьфу, Волга впадает в Каспийское море, а лошадь зато относится к отряду непарнокопытных.

– Про косинус я не в курсе, а все остальное правильно. Значит, хотя бы часть школьной программы ты не забыл. Хотя, конечно, амнезия у тебя довольно обширная. По воинской специальности ты радист?

На всякий случай я ответил «да».

– Можешь назвать буквы в азбуке Морзе?

Так как телеграфную азбуку я выучил еще в юности реальной жизни и до сих пор не забыл, то с ответом у меня не задержалось.

– А – точка, тире. Бэ – тире, три точки. Вэ – точка, два тире. Гэ...

– Хватит, хватит, я записывать не успеваю, – махнул рукой доктор.

А потом он частично посвятил меня в интриги, сопутствующие моему ранению. Оказывается, мое состояние вполне тянуло на получение инвалидности, однако это стало бы как серпом по яйцам полковому начальству. Одно дело, когда на учениях возникла нештатная ситуация, но она благодаря самообладанию сержанта Скворцова и умелому руководству товарищей такого-то и такого-то обошлась без жертв, разрушений и ущерба чьему-то здоровью, и совсем другое, когда военный служащий чуть не погиб и стал инвалидом. Тут могут начать копать, и хорошо, если накопят только халатность. Понятно, что все постараются свалить на меня, но и начальству тоже может достаться.

Все это доктор поведал очень обтекаемо и даже местами иносказательно, но я его прекрасно понял.

– Вопрос встал на батальонном или полковом уровне?

– На полковом, а что?

– Не считите за наглость, но лично вы как считаете – я инвалид или нет?

– Нет. Но на инвалидность имеешь право и, если будешь настаивать, получишь ее.

– Пусть ко мне командир роты зайдет, навестит раненого воина. А до того я сказать ничего не могу.

Главврач покачал головой, пожелал мне скорейшего выздоровления и удалился. А я подумал – надо же, во сне уже и интрига закручивается! Может, это все-таки не сон, а нечто другое?

Глава 2

Сосед вышел в Чите, и я остался один в четырехместном купе. Впрочем, этот сосед мне и раньше не больно-то мешал. В основном он спал, распространяя аромат перегара, но не очень сильный, мне даже противно почти не было.

Увы, за все в жизни приходится платить. В детстве я был как все и в юности тоже от большинства сверстников не особо отличался. Но где-то лет в двадцать пять потихоньку, почти незаметно, начали проявляться экстрасенсорные способности, а параллельно с ними появилось неприятие спиртного. И то, и другое помаленьку росло, так что годам к сорока простые человеческие радости – ну типа нажраться в сопли, поколобродить, потом заснуть мордой в салате, а с утра мучиться похмельем – стали мне недоступны. Причем все устроилось мягко, не как, например, у торпедированных алкашей. Я в принципе мог выпить граммов сто, даже сто пятьдесят, но никакого смысла в этом не видел. Водка для меня стала чем-то... ну, наподобие мочи для обычного человека. Пить-то, наверное, можно, если по чуть-чуть, авось и не стошнит, во всяком случае сразу. Но зачем? Противно же.

Во сне это свойство организма не только никуда не исчезло, но даже слегка усилилось, хотя здешнему мне был всего двадцать один год. Я это понял, когда мне делали уколы, а потом протирали кожу ваткой, смоченной в спирте.

Кстати, мои друзья-сослуживцы, что с подачи ротного навещали меня в госпитале, сочли именно это чуть ли не трагедией и искренне жалели. Подумаешь, забыл человек что-то! Во-первых, не все, во-вторых, не факт, что это вообще следовало помнить, а в-третьих – да и хрен с ним. Но вот что бедняга теперь пить не может, как все люди, это ужасно. Неужели передовая советская медицина тут бессильна или просто здесь, в госпитале, не врачи, а коновалы? Но ты, Вить, не падай духом. Ты же москвич, а у вас там в столице всяких академиков как собак нерезаных, авось кто и поможет.

С ротным мы договорились сразу. Он приносит мне мое личное дело, якобы чтобы я мог что-то из своего прошлого вспомнить, и организует визиты приятелей с теми же целями. Я в ответ не лезу в бутылку и не настаиваю на инвалидности, а соглашаюсь с результатами расследования инцидента, после чего спокойно демобилизуюсь, благо все равно пора. Но в Москву еду не в середине ноября эшелоном, а пораньше и литером.

Мне даже присвоили следующее звание, так что дембельнулся я сержантом. И денег дали не так уж мало, восемьдесят два рубля с копейками, так что я, доплатив двадцать рублей с мелочью, поехал не в плацкартном, а в купейном вагоне. Он, кстати, был почти пустой, в отличие от плацкартных. Общих вагонов, где поездка была бы для меня бесплатной, в поезде «Россия» не было.

Когда я первый раз вышел на улицу, у меня аж голова закружилась. А вы сами попробуйте полежать месяца полтора, не вставая, – вас потом в помещении будет сквознячком шатать, не то что ветерком на улице.

Да уж, сон получается какой-то слишком реалистичный, так не бывает. Похоже, это все-таки не сон. Но тогда что? Подумаю в поезде, времени там хватит, решил я.

И вот сразу после того, как попутчик избавил купе от своего присутствия, меня осенила идея. Я ведь знаю свой теперешний адрес. Так почему бы не съездить туда в реальности и не посмотреть, насколько тамошняя обстановка отличается от того, что здесь я узнал из своего личного дела? Вторая улица Строителей, дом такой-то, квартира такая-то. Потом, кажется, это будет улица Инессы Арманд. Или Крупской? Ладно, дома разберусь, подумал я и лег на полку, не разбирая постель.

Проснувшись и мельком глянув на часы, я включил комп и, пока он грузился, в очередной раз прикинул, что я помню из последнего отрезка сна. Как всегда, практически все. Ничуть не хуже, чем здешний вчерашний день. Так, лезем в Яндекс... ага, это все-таки улица Крупской. Недалеко, так что съезжу-ка я туда прямо сейчас.

Дом нашелся быстро, а квартира, похоже, была на первом этаже, довольно низком, полэтака примерно в полуметре над землей. На лавочке у подъезда сидела бабуля примерно моего возраста или чуть старше, и я решил, что вот она-то может знать все про всех и, если повести разговор правильно, с удовольствием расскажет. Поэтому я состроил мечтательное выражение лица и начал с интересом разглядывать ряды окон.

– Кхе, вы что-то ищете? – подала голос бабуля.

– Да, знаете, вот как-то мне вдруг моя первая любовь вспомнилась, вот и решил навестить двор, где она жила. Делать-то на пенсии все равно нечего... похоже, это вон та квартира, но точно припомнить не получается. Наверное, склероз.

– Наверное, – кивнула бабка, – потому что во времена нашей с вами молодости в этой квартире проживала всего одна девушка, и это была я. Но у меня такого ухажера точно не было. Разве что сосед Витя, вы на него немного похожи, но он за мной не ухаживал, я тогда совсем малой была. Да и погиб он в шестьдесят втором... неужели? Нет, вы не он. Он повыше был заметно, да и вообще... скажите, ведь вас зовут не Виктор Скворцов?

– Нет, то есть зовут действительно Виктором, но фамилия Антонов. И всегда такой была, – уточнил я, присаживаясь рядом. И вскоре мне была рассказана история о жильцах этой квартиры.

– Василий-то Николаевич подполковником был, когда попал под сокращение. Жена у него давно умерла, говорят, болела все время, совсем здоровье потеряла в эвакуации. Но ему все-таки повезло, ушел с неплохой пенсией, и комнату им с сыном дали. Пока они вместе жили, дядя Вася еще держался, хотя, конечно, иногда... того. Но как Виктор в армию ушел, запил его отец по-черному. И в сентябре шестьдесят второго скончался, болезный. Я так думаю, что это ему еще повезло. Не узнал он, что месяцем позже сын-то его единственный в армии погиб. Комната потом полтора года стояла опечатанной. Мы уж надеялись, что ее нам отдадут, но нет, вселили в нее какого-то анахорета, он ни с кем не знался и из комнаты-то вообще почти не выходил. А я в шестьдесят девятом году за Федю Мамонтова вышла вон из того дома. Так с тех пор там и живу. Здесь? А что здесь, уже лет двадцать никто не живет, конторы какие-то.

Я на автопилоте проводил бабушку до ее подъезда, на всякий случай записал телефон и потом раза два прошелся вверх-вниз по скверу в середине улицы Крупской. Ну и ни хрена же себе! Ага, сон, держи карман шире. Получается, я и в самом деле не дал умереть Вите Скворцову. И теперь должен жить, как в песне – «за себя и за того парня». Блин, вот ведь дурак старый! Шикануть решил, просто так взял и выкинул двадцатник, чтобы с комфортом ехать. Для проезда в плацкартном вагоне нужно было доплатить всего червонец. А он на эти десять рублей разницы в своем шестьдесят втором году мог жить неделю! Хм, какой еще «он»? Это теперь тоже я, только тамошний. Ладно, но деньги все равно лучше поберечь, они тамошнему мне еще понадобятся вне зависимости от того, я он или все-таки не совсем я. Памятник хоть какой-то отцу поставить, да мало ли еще какие понадобятся траты.

Дома я решил на всякий случай записать то, что сегодня узнал, и свои мысли по этому поводу. Мало ли, вдруг забуду, а в моем теперешнем положении не скажешь, какие сведения важные, а какие нет. Так что берем ручку, чистый листок бумаги... ладно, этот обрывок тоже сойдет.

Закончив записи, я решил прилечь – мало ли, а вдруг получится прямо сейчас перенестись сознанием туда, где Витя Скворцов едет в поезде. Действительно получилось! И, что удивительно, не только сознанием.

Я с изумлением таращился на кусок бумаги у себя в кулаке. Да, помнится, хотел положить его на столик рядом с диваном, но не успел, потому что сразу заснул. А теперь – вот он! Тот самый, из двадцать первого века, никаких сомнений в этом нет. Так что же, я, оказывается, могу перемещать туда-сюда и материальные предметы?

Стоп, притормозил я полет фантазии. Во-первых, пока известно только про «сюда». Во-вторых, неясно, будет ли такое явление повторяться. И даже если будет, то наверняка обнаружатся ограничения по размерам, массе или еще чему-нибудь.

Прямо сразу начать эксперименты не получилось – спать я не просто не хотел, а натуральным образом не мог. А тут еще в Иркутске в купе подсели два инженера. Они ехали в Пермь, в командировку, и, хотя беспокойства от них было немного, сменить время пребывания получилось только где-то в районе Кирова, когда я снова остался один в купе.

Вернувшись в двадцать первый век, я первым делом полез на антресоли за картонной коробкой, где были сложены совершенно бесполезные сейчас, но памятные мне вещи из юности, молодости и прочего.

Так, фотоаппарат «ФЭД-2» пока отложим, калькулятор «БЗ-18А» тоже... ага, вот он, конверт.

Я вытряхнул его содержимое на стол и начал внимательно рассматривать. Денег не так уж мало, но они не все годятся для шестидесят второго года. Насколько я помнил, где-то ближе к перестройке купюрам была усилена степень защиты, но как их отличить такому дилетанту, как я? Да по первой букве серии. С буквой «А» мне точно годятся, «Б», наверное, тоже. Для рублей и трешек, скорее всего, сойдет и «В» с «Д», вряд ли их будут внимательно рассматривать.

С такими граничными условиями удалось отобрать сто тридцать шесть рублей. Я свернул деньги, перетянул резинкой и положил на столик около дивана. Прямо сейчас отправиться в прошлое не получится, но ничего, я могу и подождать. Может, придет в голову идея, что зажать во второй кулак при отходе ко сну с перспективой перемещения.

Подумав, я решил пока ограничиться деньгами – в конце концов, они сейчас нужны Скворцову в первую очередь. Ну, а все остальное будет потом. После того, как я в его лице приеду в Москву.

Вот я и снова на улице Крупской, которая пока еще Вторая Строителей. Памятника в начале сквера между проезжими частями, ясное дело, нет. Слева вместо ухоженного мини-парка несколько больший по размеру пустырь. Меня уже успели просветить, что он называется Собачьей площадкой. Деревьев в сквере меньше, чем я помнил, и они совсем молодые. Ну что ж, пора двигать к дому.

Я, честно говоря, немного волновался. Во время поездки в поезде как-то не особо чувствовалось, что вокруг далекое и, по мнению некоторых, прекрасное и навсегда утерянное прошлое. Да, что-то такое было, но за окном. А теперь – вот оно! И мне, ну по крайней мере половине меня, здесь жить. До родного дома осталось пройти метров триста. Как он меня встретит? Хорошо хоть семью соседей я более или менее знаю из описаний словоохотливой старушки Веры Михайловны. Если в квартире не будет гостей, то не ошибусь, как к кому обращаться. У меня даже есть два ключа, только я не уверен, что они именно от моего жилища. Хорошо хоть сегодня воскресенье, так что в квартире почти наверняка кто-то есть. Четвертое ноября, Карибский кризис уже кончился. Впрочем, вряд ли советские люди так уж в курсе про него – на остановках я покупал газеты и не нашел там об этом почти никаких упоминаний. Так, пара невнятных заметок про освободительную борьбу кубинского народа, и все.

Вот и знакомый двор. Почти такой же, как в двадцать первом веке, только зелени существенно меньше и над окнами нет кондиционеров.

Я глубоко вздохнул и зашел в подъезд. Чуть задержался перед квартирной дверью и вдавил кнопку звонка.

Вопль, наверное, был слышен по всем этажам вплоть до последнего, девятого.

– Ви-и-тя-я-я! Мам, пап, Витя вернулся!!!

Верещала девчонка, хотя, пожалуй, уже почти девушка, лет этак тринадцати, в которой можно было узнать Веру Михайловну – пока еще, ясное дело, просто Веру. Или даже Верку.

Дальняя от входа дверь открылась, и из нее выглянул невысокий и тощий мужичок средних лет и средней небритости.

– Здравствуйте, дядя Миша, – я вошел в прихожую и поставил чемоданчик на пол. – Вер, ну не ори ты так, на последнее ведь ухо оглохну.

– А почему на последнее?

– Потому что меня недавно на учениях слегка контузило, и правое ухо пока слышит плохо.

Тут я, конечно, преувеличивал, слух уже практически полностью восстановился. Но про контузию нужно было упомянуть обязательно, чтобы потом мои провалы в памяти особого удивления не вызывали.

– Ох, бедненький...

Вышедшая из комнаты женщина явно была Вериной матерью, сходство несомненное.

– Витя... ты... уже знаешь?

– Про отца? Да, тетя Нина, знаю. От чего он умер?

– Доктора разные ученые слова про печень говорили, а я по-простому тебе скажу. От водки! Она, проклятушая, его в могилу свела. Ты уж, Витенька, не пей, ну зачем тебе это? Ой, да что ж ты в коридоре-то встал? Сейчас ключи твои принесу, и... это... я там в твоей комнате все протерла маленько. Больно уж там... э... не убрано было. А ты тут чего подмигиваешь?

Этот пассаж был адресован уже дяде Мише.

– Так ведь отметить бы...

– Дядь Миш, тетя Нин, мне после контузии еще и пить нельзя.

– Совсем? Ну...

Дядя Миша, похоже, был готов начать меня жалеть даже почище друзей-сослуживцев, но под многообещающим взглядом супруги сдулся и даже начал, как мог, делать вид, что он ничего такого сказать и не хотел.

– И правильно, ты, Витя, об этом не жалею. Сейчас сядем, чайку попьем... в бакалее небось еще вафельные тортики не кончились... Вер, сбегаешь?

– Давай лучше я, – вылез дядя Миша.

– Куда? Хотя... ладно, иди. Но чтоб мигом – одна нога здесь, другая там! Витя, да ты, наверное, с дороги голодный, борщ будешь?

«Глава семьи» действительно обернулся быстро, у меня только-только получилось умять приличных размеров тарелку борща.

Я присмотрелся и принялся. Похоже, дядя Миша перехватил как минимум три кружки пива, а скорее и все четыре. Когда успел-то? Он ведь еще и торт принес. Впрочем, это его дела. В двадцать первом веке Вера Михайловна говорила, что ее отец, конечно, выпивал, но не так чтобы очень и к буйству по пьяни был совершенно не склонен.

Да уж, решил я, наконец-то оставшись один в своей комнате, с соседями мне, похоже, повезло. Вороньей слободкой в этой коммунальной квартире не пахнет совершенно. Нина Александровна вон тут не только все, как она сказала, протерла. В комнате вообще не было ни

пылилки. Вся одежда выстирана и выглажена, холодильник «ЗИЛ» отмыт до блеска, прямо-таки ждет, когда я его включу и начну набивать продуктами.

Комната моя, по наспех проведенным измерениям, имела общую площадь двадцать два квадратных метра и состояла из четырехметрового тамбура, где стоял холодильник и к стене были привинчены вешалки для одежды, а снизу стояла самодельная полка для обуви, и собственно жилого помещения три на шесть метров. В принципе между тамбуром и комнатой можно даже вставить дверь, но зачем? И так сойдет.

Мебели в комнате не очень много, но и не мало. В самый раз, только эту железную кровать с шарами лучше выкинуть, мне и дивана хватит. Из аппаратуры – радиола «Октава». Вполне, кстати, приличный аппарат для теперешних времен, причем, если понадобится, его смогу модернизировать. Приемную часть наверняка придется, имеющаяся для прослушивания вражеских голосов годится не очень. И, кстати, с деньгами у меня теперь очень даже неплохо. Помимо остатка дембельских и тех, что я переправил из двадцать первого века, Нина Александровна вручила мне еще триста двадцать рублей. Оказывается, отец с каждой пенсии отдавал ей по червонцу – чтоб, значит, она эти деньги сохранила для меня.

– Как чувствовал, что сам-то тебя не дождется, – всхлипнула женщина.

– Где он похоронен?

– На Востряковском, я тебе, Витенька, в следующее воскресенье покажу.

В общем, прикинул я, работу можно выбирать вдумчиво, хоть все три месяца, что мне даны по закону. Денег на жизнь хватит. Хотя чего тут выбирать-то? В ФИАНе я когда-то работал и ничего плохого про это место сказать не могу. Тем более что сейчас я живу ближе к нему, чем тогда. Значит, в понедельник с утра в военкомат, а потом можно будет съездить в ФИАН. Деньгам же применение всегда найдется. Можно шикануть и купить мотоцикл. «Ковровец», например. Или он уже «Восход»? «Яву» мне не надо. Сопрут, если держать на улице, да и слишком это жирно для парня только из армии, может привлечь ненужное внимание. Кстати, надо будет спросить у дяди Миши, как сейчас получают права. Он может знать, ведь работает в гараже Академии наук.

Глава 3

– Вить, к тебе можно?

– Да, Вер, конечно.

Я встал из-за стола, где паял новые внутренности для своей «Октавы». Горсть транзисторов удалось переправить в шестьдесят второй год без проблем, а вот фотоаппарат не пошел. Я три раза пытался, и все без толку, он упорно не желал покидать двадцать первый век. Не то чтобы он мне тут был так уж необходим, я просто пытался определить допустимые размеры того, что смогу перенести в шестьдесят второй год. Пока получалось, что они раза в полтора меньше фотоаппарата. В общем, с электронными элементами нормально, а вот с готовыми изделиями – не совсем. Смартфон, если понадобится, я сюда переправлю, а планшет – пока вряд ли.

Но и с местными радиодетальями было неплохо, я ведь уже работал лаборантом в ФИАНе. Кроме того, рядом нашелся магазин, который я в другой ипостаси помнил как «Электронику», но сейчас он назывался «Телевизоры». Продавалось там много чего, в том числе и радиодетали.

– Вить, у меня к тебе огромная просьба, – заявила девушка. Девчонкой я ее уже не считал. И вообще допускал, что, когда она подрастет, женюсь на ней. Если Вера не будет против, конечно.

Нет, никакой особо возвышенной любви я к ней не чувствовал. Я, по-моему, вообще на это уже не способен в силу возраста. Но она мне нравилась, это да. А главное – по той классификации, про которую я уже упоминал, она была «десятой». Причем, что удивительно, только она! Вера Михайловна из двадцать первого века однозначно относилась к не поддающимся моему воздействию, я не поленился специально съездить к ней в гости и окончательно убедиться в этом. Видимо, способности Антонова и Скворцова в этом плане не совпадают.

Так вот, мне, наверное, до конца жизни не забыть то чувство тоскливого бессилия, когда у меня на глазах постепенно угасала жена, а я ничего не мог сделать! Потому что она не была ни «десятой», ни даже «девятой». Мы с ней поженились задолго до того, как у меня начали пробуждаться способности. И снова все это переживать я не хотел. Опять же не потребуется нигде бегать в поисках спутницы жизни, да потом еще не дай бог убеждаться, что опять нашел не то. К старости я, надо сказать, несколько обленился.

К тому же точно известно, что Вера к семидесяти годам не впадет в маразм, да и вообще будет себя чувствовать сравнительно неплохо. С ней даже интересно беседовать, я в этом уже убедился. Так что этот... как его там... Федька из соседнего дома перебьется. Такая невеста нужна самому.

– Ну так что у тебя там? – спросил я не подозревающую об уготованном ей будущем девушку. Хотя, может, она прекрасно все, что надо, подозревает, женщины – они такие.

– Скоро Новый год. И у меня день рождения первого января, ты, наверное, помнишь.

Разумеется, ничего такого я помнить не мог, но зато теперь узнал.

– Папа с мамой согласны подарить мне щеночка!

– Это прекрасно, но я-то тут при чем?

– Так ведь в коммунальной квартире животных можно держать только при согласии всех жильцов!

– А, ну тогда конечно, заводи хоть целую стаю.

– Спасибо. Так бы и расцеловала, но только, боюсь, ты это поймешь неправильно.

Я подставил щеку.

– Целуй. Обещаю, что пойму исключительно как надо.

Когда процесс закончился, я заявил:

- У меня к тебе будет похожая просьба.
- Ты тоже хочешь завести собаку? – обрадовалась Вера.
- Нет.
- Кошку?

В голосе девушки явно появилось разочарование.

- Нет. Мотовелосипед. На улице его держать нельзя, придется в квартире.
- Я согласна, папа с мамой тоже, наверное, против не будут, а если что, я их все равно уговорю.
- Спасибо.
- Пожалуйста. А целовать кто будет?
- Мама поцелует.
- Считаешь меня маленькой? Джульетте вон тоже всего четырнадцать лет было, и ничего!
- А тебе пока тринадцать. Вот стукнет четырнадцать, тогда посмотрим. Но лучше, конечно, подождать до шестнадцати.
- Так и знала. Но хоть на велосипеде этом ты меня покатаешь?
- Конечно, покатаю, не волнуйся.

За пару дней до этого я зашел в спортивный магазин с целью посмотреть, какая мототехника сейчас продается. «Ковровец» мне при ближайшем рассмотрении не понравился. Да и зачем он? Для поездок по Москве вполне хватит «Макаки», то есть минского М-103. На нем при желании можно будет и зимой ездить, он достаточно легкий для этого.

Но потом я прошел дальше, где стояли мопеды. Впрочем, меня не заинтересовали ни «Рига», ни чешский «Стадион». Но за ними стоял аппарат, который мне даже не удалось сразу идентифицировать.

С первого взгляда обычный велосипед с мотором, но, присмотревшись, можно увидеть разницу. Колеса чуть меньше по диаметру, чем у обычных взрослых великов, но обода и шины раза в полтора шире. Спереди телескопическая вилка и нормальный барабанный тормоз, правда, смешного диаметра. Сама рама на вид несколько мощнее, чем у безмоторных соседей.

– Что это? – спросил я у продавца.

– Мотовелосипед «Вэ-девятьсот два эм». Львовский завод, последняя модификация с телескопической вилкой. Раньше были рычажные.

Я задумался. У меня в молодости был львовский мопед, правда, более поздней модели. Большого дерьма я не встречал в жизни. Конструктивный дебилизм в нем на редкость органично сочетался с халтурной сборкой из безобразного качества деталей. Но этот-то вроде нормальный! Сзади жесткая подвеска, что в данном случае плюс, цепь слетать не будет. «Риги» с такой ездили начиная с номера пять и по тринадцатый, и ничего. Идиотского эксцентрика для натяжения pedalной цепи нет, вместо него нормальный ролик. Видимо, бессовестно халтурить во Львове начали не сразу, поначалу работали как люди. В общем, а не взять ли это вместо мотоцикла на первое время? Тем более что его движок сделан не во Львове, а в Ленинграде. До работы на нем вполне можно ездить, тут всего километра три с небольшим, малая скорость не скажется. Да к тому же моторчик вполне можно будет форсировать, дело знакомое. Зато вес – всего тридцать два кило! Для зимы это важно, в заносах двухколесную технику приходится удерживать ногами. Решено – беру! Как раз до весны будет время привести аппарат в порядок, прямо из магазина зимой ничего нормально не поедет даже в двадцать первом веке, все равно придется готовить. Так что эту зиму перебыюсь, начну ездить летом. Заодно и с правами можно будет не спешить, на такую технику они не нужны.

В общем, на следующий после разговора с соседями вечер я, пообедав на сто тридцать пять рублей, приехал домой на велосипеде с мотором. Правда, на педалях, заливать бензин я не стал, успеет еще аппарат навоюнться.

– Ух ты, почти как настоящий мотоцикл, даже с фарой, – восхитилась Вера. – А куда ты меня собрался сажать – на этот багажник?

– Сделаю съемное мягкое сиденье. И нормальные подножки для пассажира тоже, так что не беспокойся.

– Витя, а ты на нем ездить-то умеешь? – взволновалась Нина Александровна.

М-да, подумал я, вот она, женская логика. Как бы я доехал из магазина до дома, если бы не умел? Но говорить это, и уж тем более то, что Виктор Антонов проехал на двух колесах более двухсот тысяч километров и в свое время даже участвовал в мотогонках, я, понятное дело, не стал. А просто успокоил соседку.

– Умею, тетя Нина. И неплохо умею. Армия, она и не такому научит.

Вообще, конечно, армия оказалась очень удобным объектом, на который можно было невозбранно сваливать умения Виктора Антонова, изначально не присущие Виктору Скворцову. Например, в ФИАНе я так объяснил свое знакомство с электроникой. Радист же, не хрен собачий! Мне сначала не очень поверили, но меньше чем за неделю убедились в моей полнейшей правдивости. И теперь начальство чесало репу – как бы меня там удержать? Платить больше девяноста рублей в месяц не позволяет штатное расписание, но ведь переманят же! На хорошем заводе я смогу получать и сто пятьдесят.

Впрочем, одна идея у завлаба уже родилась, ее ему даже подсказывать не пришлось. Но об этом лучше рассказать немного погодя.

Однако электроника востребована не только на работе. В частности, оказывается, у Веры скоро день рождения, и надо срочно озаботиться подарком. Что подарить? Разумеется, карманный транзисторный приемник! Такой подарок даже в конце шестидесятых выглядел круто, а сейчас вообще только начало.

Нечто подобное уже производилось – во всяком случае, приемник «Спутник» продавался в магазине телевизоров. Однако он был все же великоват и питался от аккумуляторов, что не очень удобно. Купить их было не так уж просто и не очень дешево, а заряда хватало от силы на час работы. А если вы его слушаете в лесу? Так что я слегка напряг мозги и быстро сочинил проект чуть покомпактней, по размеру немного больше пачки «Беломора», но с питанием от батареи «КБС». Это такая квадратная, на четыре с половиной вольта, они изредка встречаются и в двадцать первом веке, а сейчас это самый распространенный и довольно дешевый элемент питания.

Единственным инновационным элементом в приемнике был динамик, с которого я стер все надписи. В таком виде он особых подозрений не вызывал. А в остальном – транзисторы П402, П13 и диоды Д2 – наше все.

С корпусом пришлось повозиться едва ли не больше, чем со схемой, однако я все же сделал его неплохо и вовремя. Именинница была в восторге.

И вообще Новый год, совмещенный с днем рождения самой юной жительницы квартиры, был встречен достойно.

Все слегка выпили. Ну, скажем прямо, дядя Миша и не совсем слегка, однако никаких репрессий в отношении него не последовало.

Щенок дворянской породы Джуля (то есть в полном варианте Джульбарс) выпил молока. Если бы дело происходило в двадцать первом веке, я бы постарался оградить столь мелкое и беспомощное существо от такой отравы, как молоко из магазина, но здесь и сейчас – пусть пьет на здоровье. Удешевлять производство продуктов до полной их несъедобности люди пока не научились.

Для тети Нины стояла бутылка советского шампанского. Она, правда, не смогла уговорить всю, но дядя Миша был начеку и вовремя пришел на помощь супруге.

Мы с Верой обошлись лимонадом.

Всем очень понравилось мое украшение для общей елки, водруженной в прихожей нашей квартиры, благо площадь позволяла – гирлянда из разноцветных лампочек. Я ее нашел в числе прочего, задвинутого в дальний угол шкафа, когда изучал, что же все-таки есть в моей комнате. И немного доработал, так что теперь она мигала, причем не просто, а выдавая морзянкой буквы «НГ». То есть длинная вспышка, короткая, пауза, две длинных, короткая, пауза и по новой. Зрители впечатлились по самое дальнее некуда, тетя Нина минут, наверное, пять ахала насчет моих золотых рук. Вера же шепнула мне, что такие шикарные Новый год и день рождения у нее впервые в жизни.

Вот только с музыкой было не очень. Пластинки имелись, и не в таком уж малом количестве, однако настолько запиленные, что слушать их можно было только в порядке мазохизма. Единственная более или менее приличная содержала «Болеро» Равеля, вот оно у нас и играло весь вечер. Я сделал заметку в памяти – пора подумать насчет приличного магнитофона. И купить гитару. Я, правда, не играл на ней уже лет сорок с гаком, однако это ничего, вспомнить недолго. Тем более что у Скворцова, кажется, есть голос, в отличие от Антонова, подобным талантом отродясь не обладавшего.

Сидели долго, часов до двух ночи, а потом Вера заявила, что Джуле надо погулять. Впрочем, ей быстро объяснили, что такому мелкому собачонку на двадцатиградусный мороз рановато, помрет еще ненароком. Тогда она вытащила на прогулку меня, мотивировав свой выбор тем, что я-то уж точно не помру.

Народу на улице было мало, значительно меньше, чем в мои зрелые годы. Никто не взрывал петарды, не орал по пьяни диким голосом и даже не бегал с бенгальскими огнями. Мы прошли по скверу улицы Крупской сначала вверх, к Ленинскому проспекту, потом спустились вниз, к проспекту Вернадского.

– Хорошо-о-то как! – протянула Вера. – И никому завтра на работу не надо, можно не волноваться, что проспичь.

Так и есть, сейчас советские люди могли спокойно гулять в Новый год, ведь первого января – нерабочий день. Ну, а второго пожалуйста трудиться. Кстати, рабочий день сейчас был семичасовой, зато неделя шестидневная. Правда, в субботу работали на час меньше.

– Не завтра, а уже сегодня, – уточнил я. – Но действительно хорошо, что никуда не надо. Заботятся о нас партия и правительство. Даже жалко всяких французов, англичан и американцев, которые вот прямо с раннего утра после праздника вынуждены будут тащиться на работу и подвергаться там жестокой эксплуатации.

Вера кивнула – она, похоже, пока относилась к таким перлам с полной серьезностью. Со временем скорее всего разберется, что к чему, но форсировать этот процесс я не буду. Нехорошо рушить идеалы у ребенка.

Именно во время этой прогулки я окончательно почувствовал себя здесь своим. Раньше все-таки присутствовал какой-то элемент экскурсии, и в двадцать первый век я возвращался как домой. А теперь стало наоборот. Наверное, потому, что там я не имел никаких оснований смотреть в будущее с хоть сколько-нибудь оправданным оптимизмом. А здесь по крайней мере еще четверть века все будет хорошо. Потом, конечно, потихоньку начнется...

Но уж себе-то и близким я точно смогу помочь не сгинуть и не скатиться в нищету в девяностые. Может, смогу и заметно большему количеству народа, но пока просто не представляю, как именно. Впрочем, время на обдумывание еще есть.

Глава 4

Мотовелосипед я привел в желаемое состояние к середине марта. Вообще складывалось впечатление, что в шестидесятые годы двадцатого века климат был заметно холоднее, чем в начале двадцать первого. Я спросил у Веры, как тут было в прошлом и позапрошлом году – мол, в Амурской области, где шла моя служба, было не до изучения погоды в Москве. Она ответила – да примерно так же, как сейчас. А сейчас март был настоящим зимним месяцем! В середине марта на улице минус пятнадцать градусов днем и минус двадцать ночью. И метели как минимум раз в неделю. Из-за этого я пока не собирался выкатывать свой мопед – обкатывать его все-таки лучше при плюсовой температуре и по сухому асфальту, а не по снегу со льдом, сверху слегка присыпанным песочком.

Ходовую я почти не трогал, только привел в приемлемое состояние передний тормоз. А то, пока ехал из магазина, всю дорогу удивлялся – да как же можно было вполне нормальный с виду барабанный механизм довести до полнейшей неработоспособности?

Оказалось, всего двумя мелкими штрихами. Первый – это кулачок разжимания колодок. Он не был не только отполирован, но даже хоть как-то отшлифован и вообще имел какую-то странную форму.

Вторым штрихом, а точнее, косяком, был трос. Он представлял собой простую навивку из круглой (!) проволоки, внутри которой без какой-либо промежуточной трубки ходила сердцевина. То есть потери на трение были весьма серьезными, а передаваемое усилие ограничивалось упругой деформацией оболочки на весьма незначительном уровне. Кроме того, такой трос принципиально не мог работать при отрицательных температурах. От любых, даже минимальных количеств влаги он замерзал.

В общем, я доработал кулачок и приволок тросы из двадцать первого века, ибо трос газа был точно таким же и ни малейшего доверия не внушал.

С мотором пришлось повозиться более основательно. Общие недостатки велодвигателей серии «Д» я знал давно. Их два. Первый – слишком маленькое сечение впускного тракта. У «дэшек» впуск золотниковый при помощи полой цапфы коленвала, так вот, диаметр отверстия там уж больно мал. Но рассверлить недолго, в ФИАНе неплохой станочный парк, и я уже договорился, меня туда пускают.

Карбюратор тоже не вызывал ни малейшего восторга, пришлось в двадцать первом веке ехать в Сокольники и покупать карб от китайского аналога «дэшки». Этот был куда приличнее.

Воздушный фильтр я выкинул сразу – при первом же взгляде на него ничего, кроме «горбатого могила исправит», в голову не приходило. И сам из фанеры и поролоната соорудил новый, заодно дополнив его функцией глушителя шума впуска. Ну и заполировал и подогнал к посадочному месту в картере перепускные каналы цилиндра.

Вторым тормозом у «дэшек» была контактная система зажигания, не дававшая моторчикам раскручиваться выше пяти с половиной тысяч оборотов, хотя механика вполне позволяла и семь, если не семь с половиной. Ну, а уж спать тиристорное зажигание мне было совсем нетрудно.

Конкретно у этого «Д-4» был свой косяк, исправленный в последующих модификациях. Цилиндр не имел головки, сверху была просто плоскость с резьбовой втулкой для свечи. Это якобы не давало увеличить степень сжатия и не обеспечивало нормального охлаждения. Почему «якобы»? Да потому, что и такую конструкцию поджечь нетрудно. Достаточно выточить из дюралю шайбу-вставку, охладить ее на морозе, нагреть цилиндр и забить туда эту шайбу. Ну, а сверху я привинчиваю два черных радиатора, получилось довольно стильно. Все, мопед готов, осталось дожидаться настоящей, а не календарной весны.

Тук-тук-тук, тук!

Такой стук в дверь означал, что меня зовут ужинать.

Тетя Нина сразу предложила готовить и на меня тоже – мол, что на троих, что на четверых – разница небольшая. Это оказалось кстати, ибо поварское искусство в число моих достоинств не входило никогда. Я и в двадцать первом веке частенько питался «Ролтоном», причем не из-за нищеты, а оттого, что его легко готовить. Отчего предложение Нины Александровны я воспринял с энтузиазмом и предложил в качестве компенсации шестьдесят рублей в месяц. На меня тут же замахали конечностями все обитатели соседней комнаты, включая Джулю, и мне с трудом удалось уговорить тетю Нину на двадцать пять. Теперь у меня были мало того что гарантированные, так еще и вкусные ужины с завтраками, а по воскресеньям еще и обеды. По утрам пищу надо было только разогреть, а вечером и по выходным дням не требовалось даже этого.

А тетя Нина решила откладывать полученные от меня деньги на телевизор. Они давно хотели его купить, но денег на это до сих пор категорически не хватало. Я бы мог без проблем дать им всю сумму в долг, а вообще-то, конечно, и просто так, если бы речь шла о чем-нибудь действительно необходимом. Но отнести к этому телевизор я не мог, так что пусть подождут, тем желаннее покажется наконец-то свершившаяся покупка. Да и ни к чему без нужды подчеркивать свою финансовую состоятельность, сейчас все-таки не двадцать первый век. Ценности немного другие.

То есть с деньгами у меня все устроилось не совсем так, как я поначалу планировал. Мне-то мерещилась покупка советских денег и перенос их в шестьдесят третий год. Цены были вполне доступные – червонец в приличном состоянии стоил что-то около трехсот рублей двадцать первого века. Но сейчас выяснилось, что дело обстоит практически наоборот.

Завлаб, как я уже говорил, придумал, на каком поводе меня можно удержать в ФИАНе. На рацпредложениях.

Итак, предположим, ученым понадобился какой-нибудь уникальный электронный прибор. Его разработку и изготовление можно заказать через Академию наук. И всего-то лет за пять заказанное скорее всего сделают. А если есть пробивная сила или волосатая лапа, то и за три управятся.

Ученые могут попытаться что-то сварганить и сами. Как правило, они немного разбираются в электронике. Но именно немного, на уровне начинающего радиолюбителя.

То есть так получится заметно быстрее, может хватить и двух месяцев. Но мало того, что эти месяцы ученые заниматься научными исследованиями смогут только в свободное от рукоделия время, так и качество полученного прибора будет, мягко говоря, не совсем идеальным. Иногда выходило настолько не совсем, что это означало полную непригодность с трудом слепанного на коленке девайса к работе.

А недавно у научных сотрудников появилась еще одна возможность. Можно было просто рассказать Виктору Скворцову, чего они хотят, потом изложить в письменном виде и завизировать свои желания у завлаба, и максимум через три недели получить желаемое. Причем это не обязательно должен быть электронный прибор, чисто механические изделия у меня тоже получались неплохо.

Так вот, завлаб предложил оформлять все подобные работы как рацпредложения. А за них, между прочим, платят.

Поначалу я, не зная механизма формирования вознаграждения, пару раз несколько продешевил. Однако меня быстро просветили, что сумма вознаграждения в случае несерийной продукции вычисляется как функция ее сложности. То есть, грубо говоря, количество элементов в изделии умножается на какой-то коэффициент, и получаются рубли к выдаче.

Я кивнул – понятно, дело знакомое. Правда, из другой жизни.

Вот как, казалось бы, кустарь-одиночка вроде меня мог конкурировать с мощной советской радиопромышленностью? Да запросто. После косыгинских реформ прибыль рассчитывалась как функция от себестоимости, сама являясь базой для фондов оплаты труда. То есть любой, предложивший выкинуть из разрабатываемого изделия хотя бы один паршивый диод, пусть это и приведет к повышению качества изделия, мгновенно становился врагом всего коллектива. Он же, гад, посягает на святое – на квартальную премию! И наоборот, если кто сможет убедительно обосновать, почему в схеме не хватает десятка таких-то и таких-то элементов, он становится героем и спасителем.

В результате почти вся и промышленная, и бытовая радиоаппаратура в СССР оказывалась переусложнена в разы, и конкурировать с ней в таких условиях было сплошным удовольствием.

Вот, значит, и выяснилось, что в оплате рацпредложений этот механизм использовался и до Косыгина.

Поэтому мои схемы сразу резко усложнились, заодно немного прибавив качества. Все-таки мне совесть не давала загромождать свои изделия совсем уж ненужными элементами.

Например, для задания тока через термодатчик хватит простого сопротивления, питание-то все равно стабильное. А я ставил генератор тока, это транзистор, три сопротивления, стабилитрон и два диода для компенсации температурного дрейфа. Точность измерения от этого несколько повышалась. Ну, а то, что на самом деле она на фиг никому не была нужна, требовалось только поймать момент начала нагрева образца, оно не важно. Это она сейчас не нужна. Мало ли, вдруг завтра понадобится.

И теперь при окладе девяносто рублей грязными я получал примерно сто восемьдесят чистыми. И это не считая премии, про которую мне обещали, что она будет каждый квартал. Тратить же, несмотря на то, что я не сэкономил, получалось рублей по сто в месяц, не больше. Плюс четвертной тете Нине и около тройка за комнату. То есть деньги постоянно прибывали. А так как выяснилось, что перенос материальных предметов возможен в обе стороны с одинаковым успехом, то я купил три банки черной икры и в три приема переправил ее в двадцать первый век. Ну надо же немного подкормить бедного пенсионера Витю Антонова! Он ведь мне не чужой. Тем более что на календаре там было тридцать первое декабря две тысячи семнадцатого года.

И вот, значит, перенеся последнюю банку, я ее открыл и в целях дегустации сожрал. А ничего так! Давненько не доводилось пробовать настоящую черную икру. Наверное, лет этак двадцать пять. Содержимое же двух предыдущих я вывалил в небольшой пластиковый контейнер, потому как собирался угостить одну даму и не хотел смущать ее видом допотопных консервных банок. Она, поди, и есть откажется, прочитав дату изготовления.

Погода стояла не совсем зимняя и вовсе не новогодняя – плюс один градус и полное отсутствие снега на улице, так что я поехал на улицу академика Варги на моноколесе. Там жила одна моя знакомая, Светлана. Когда-то мы с ней были соседями в позднехрущевской пятиэтажке. Потом у меня умерла жена, а от нее сбежал муж, и мы стали не только соседями. А потом нашу хрущевку снесли. Я переселился к метро «Беляево», а она оказалась на улице Варги, километрах в полутора от метро «Теплый Стан». Это недалеко, так что отношения наши потихоньку продолжались.

Одно время она, кажется, даже планировала затащить меня под венец, но быстро охладела к этой затее. Я тоже не рвался создавать новую семью. Во-первых, вряд ли муж от нее сбежал просто так. Наверняка были какие-то причины, и мне не хотелось на своем опыте выяснять, какие именно. А во-вторых, она не была ни «девятой», ни «десятой». Да и привыкли мы оба к одиночному существованию, это тоже сыграло свою роль.

– Шикуюешь? – спросила Света, когда я выставил икру на праздничный стол.

– Нет, мне это подарили.

– Женщина небось?

– С чего это ты взяла?

– А с чего бы тебе вдруг мужик начал дарить такие подарки? Олигархов среди твоих знакомых нет, в гомосексуальных наклонностях ты тоже не замечен.

– Олигархов действительно нет, зато астраханцы есть. Недавно один приезжал в Москву, останавливался у меня, вот и отблагодарил.

У меня действительно имелся знакомый из Астрахани, но приезжал он ко мне полтора года назад и никакой икры с собой не привозил. Но ведь в принципе мог же? Так что я почти не соврал.

– Сколько он у тебя жил? – продолжала допрос Света.

– Три дня.

– Такса получается повыше, чем в бюджетной гостинице.

Я, честно говоря, теперешнюю цену черной икры не знал, поэтому поинтересовался у дамы.

– То, что ты принес, тянет тысяч на двенадцать, а может, и на пятнадцать, в зависимости от качества.

– Попробуй. Я пробовал, мне понравилось.

– М-м... я такой вкусной до сих пор вообще не ела.

– Ну так возьми нормальную ложку, чего ты тут по одной икринке вылавливаешь? На меня не смотри, я этой икры уже наелся.

– Говорят, черная икра благоприятно сказывается на потенции, – заявила Светлана, умяв примерно половину контейнера и облизнувшись. – Проверять начнем прямо сейчас?

– Давай все-таки боя курантов дождемся. Выпьем, еще чем-нибудь закусим, не одной же икрой все время питаться.

– Ты же не пьешь!

– Зато ты пьешь и, если не увлекаешься сверх меры, становишься от этого более энергичной в горизонтальном положении. А для меня тут пепси-кола есть. Тоже, конечно, не подарок, но в малых дозах почти не наносит вреда организму.

Домой я покати́л в десять утра первого января. За весь путь мне повстречались всего два пешехода и не то три, не то четыре машины, считая два автобуса. Красота!

По дороге я немного занялся прикладной арифметикой. Итак, берем триста рублей, покупаем на них советский червонец, тащим его в шестьдесят третий год. Там на все деньги затариваемся черной икрой, она хоть и не продается в каждом продмаге, но в Елисеевском есть всегда. Переправляем ее в двадцать первый век и тут продаем. Хм, даже если толкать за половину магазинной цены, маржа и то получается примерно тысяча процентов. Неплохо. Если смотреть на этот бизнес с той стороны, то доходность такая же, только порядок действий чуть меняется. Взять червонец, купить икры, продать ее в двадцать первом веке, на вырученные деньги закупить червонцев и перекинуть их в прошлое. И какой можно сделать вывод из подобных вычислений? Да очень простой – не буду я страдать такой фигней. Не нужно мне это ни тут, ни там. По крайней мере сейчас, пока у меня не появилось рабочих проектов спасения чего-нибудь этакого, офигенного. Советского Союза, например. Или социалистического уклада. А может, сразу замахнуться на коммунистические идеалы? Как Евстигнеев на Вильяма нашего Шекспира.

В общем, не будем пока засорять голову, сначала надо разобраться в обстановке. А в процессе этого Скворцов слегка подкормит Антонова красной и черной икоркой, крабами там,

ну и еще чем-нибудь. Тот в ответ перекинет Скворцову радиодеталей по списку, ну и прочего потребного по мелочи. Ни тому, ни другому это не принесет особой прибыли, но и хоть сколько-нибудь заметного финансового ущерба тоже не причинит. Кстати, надо узнать, когда начинают работать магазины, Скворцов ведь собирался приобрести магнитофон, а его придется модернизировать, в исходном состоянии он меня не устроит. Значит, надо искать приличные головки, причем желательно стеклоферритовые, пермалловые пленка «тип два» за полгода запилит до упора. Правда, там уже появилась «тип шесть», но она немногим лучше. Интересно, сейчас можно купить приличную пленку для катушечного магнитофона? Скорее всего да, она небось сейчас считается умеренным антиквариатом. Вот только, наверное, все это надо искать не в магазинах, а на «Авито» и тому подобных барахолках.

Ах да, чуть не забыл, спохватился я, когда проезжал мимо метро «Коньково». Струны! Гитару-то я там купил, правда, семиструнную. Шестиструнных не было даже в самом главном московском музыкальном магазине неподалеку от Савеловского вокзала. Но это не страшно, семиструнку на шесть струн переделать недолго, но сами струны должны быть, во-первых, штатными. А во-вторых, приличными. Те, что стоят на гитаре, таким словом назвать трудно.

Гитара действительно получилась очень хорошая, я даже не ожидал от советского инструмента такого звука. Правда, она стоила довольно дорого – тридцать два рубля, я выбрал лучшую. Остальные укладывались в ценовой диапазон от шести с полтиной до червонца. А с новыми струнами «Эликсир» она вообще зазвучала так, что я даже слегка удивился, а Вера вообще пришла в полный восторг. Правда, она не могла понять, зачем я убрал одну струну, так что пришлось снова сослаться на армию. Мол, меня научил играть один сослуживец, а он почему-то музицировал именно на шестиструнной.

В общем, как и у радиолы «Октава», имплантация капиталистических элементов в социалистическое изделие типа «гитара» прошла вполне успешно. И теперь оставалось только понять – возможно ли нечто подобное, но в более широких масштабах? Всего общества, например. У Горбачева не получилось, ну так, насколько я понял, его настоящей целью было не повышение эффективности экономики, а низвержение социалистической идеи, он это сам говорил. Кроме того, у меня ни в одной из ипостасей нет ни лысины, ни пятна на ней, так что, наверное, немного погодя можно будет попробовать. Вот только пойму, что и как надо сделать, и сразу потихоньку начну. Но не раньше. Не следует уподобляться Хрущеву, который всегда сначала делал, а думал только потом, да и то не каждый раз. Наверное, ему это было трудно. Мысли небось неудержимо разбегались из-под ушастой лысины.

Глава 5

Второго января две тысячи восемнадцатого года и в конце марта тысяча девятьсот шестьдесят третьего я сделал немаловажное открытие, несколько скорректировавшее мои планы относительно финансов. То есть выяснилось, что денег Вите Скворцову пока хоть и хватает, но уже впрытик. А получилось так из-за недомыслия Виктора Антонова.

Я точно знал, что пыльные бури и, как следствие, катастрофический неурожай на целине произошли в шестьдесят втором году. И решил, что продовольственные трудности, которые я помнил с детства своей первой жизни, были тогда же, начавшись летом шестьдесят второго и более или менее завершившись к лету шестьдесят третьего. А в ипостаси Скворцова я не обратил внимания, что хлеб продается почти без очередей и вкусный, без добавления кукурузной муки. Что макароны почти белые, а не серые, да еще похрустывающие на зубах даже в разваренном виде, как будто в муку досыпали известки. И, наконец, что сама мука хоть и не каждый день, но появляется в продаже, и за ней не собираются очереди длиной в десятки метров.

А объяснялось все очень просто – неурожай был действительно в шестьдесят втором, но перебои в снабжении начнутся летом шестьдесят третьего, это я узнал в Интернете, когда догадался туда заглянуть. И, значит, теперь Вите Скворцову предстояло срочно поработать хомяком, то есть натащить в нору запасы муки и макарон. С крупами, насколько я помнил из детства Антонова, серьезных трудностей не было. Да и вообще особого голода не припоминалось. За хлебом предстояло стоять в очередях, это да. И примерно год не видеть пирожков и обжаренной в муке рыбы из-за отсутствия той самой муки. Но если я про это знаю, то грех заранее не подготовиться к грядущим трудностям.

Тут, правда, сразу встал вопрос – а в чем хранить запасы? Пластиковых контейнеров тут еще не продавалось, а из двадцать первого века в шестьдесят третий год они не проходили из-за габаритов. В общем, пришлось покупать жестяные банки для круп. Кстати, у многих они дожили не только до перестройки с ускорением, но даже до разгула стабильности, это в свое время был весьма распространенный элемент кухонной посуды.

На всякий случай я предупредил Нину Александровну, сославшись на то, что один мой армейский друг родом из Казахстана недавно прислал мне письмо. Это было чистой правдой. А вот то, что он там якобы рассказывал о бурях и неурожае, уже нет, но проверить это было затруднительно.

– Наверное, возможны перебои с продуктами, – закончил я и почти сразу понял, что Кассандра из меня получилась довольно-таки хреноватая. Скажем прямо, неубедительная. Не то чтобы тетя Нина мне совсем не поверила, но вкладывать все свободные средства в закупки муки она не стала.

Собственно, моя заготовительная активность во многом была связана с тем, что Антонов в детстве любил макароны и не любил ни картошку, ни гречку. Вот только Скворцов подобной привередливостью не страдал и с одинаковым удовольствием уписывал за обе щеки все, что готовила тетя Нина. Даже манную кашу. Наверное, это было настоящее, а не придуманное влияние армии – уж там-то за три года должны были приучить организм не выпендриваться, а жрать что дают.

Все это вынудило меня несколько задержаться с реализацией одного плана, но, как говорится, не хлебом единым жив человек. Так что сразу после Первомая я отпросился у начальства и утром вместо работы поехал на Четвертую Черемушкинскую улицу. С таким названием ей оставалось существовать недолго, летом ее должны были переименовать в Новочеремушкинскую. Как и нашу Вторую Строителей в улицу Крупской, кстати.

Так вот, эта самая Четвертая улица была примечательна тем, что там сейчас проживала семья Антоновых. И Вите Скворцову было интересно – они же с Виктором Антоновым уж всяко не чужие люди! Однако лично до сих пор ни разу не встречались.

В семь тридцать я занял заранее выбранную позицию, с которой хорошо просматривался подъезд.

В семь сорок вышел и двинулся в сторону метро отец, затем примерно через полчаса мать. Вот уж не думал Виктор Антонов, что когда-то снова увидит их живыми!

В двадцать минут девятого отправилась в институт старшая сестра Тома. Я в это время учился во вторую смену и, значит, скоро должен выйти гулять – ну не сидеть же дома в такую погоду!

Хм, а вот это уже интересно. Из подъезда выскочил мой друг детства Сережка Азаров, но почему-то один. Хотя обычно он на пути со своего четвертого этажа останавливался на втором, звонил в мою дверь, и мы выходили вместе. Что тут со мной случилось – заболел, что ли? Как-то подобного не припоминается. Я рос довольно здоровым ребенком и точно помню, что в четвертом классе не болел ни разу. Так, а это еще что?

К Сереге, уже минут пять ошивающемуся перед соседним подъездом, вышел какой-то смутно знакомый мальчишка, и они вместе куда-то ускакали. Кажется, он из параллельного класса, я просто забыл, как его зовут.

То есть картина заметно отличалась от той, что я ожидал увидеть. Кое-какие мысли по этому поводу у меня были, но они нуждались в подтверждении.

До половины второго я прогулялся по району, в котором прошло мое детство, и к началу занятий второй смены был у школы. Оpoznать удалось практически всех учеников моего класса, кроме меня. Я здесь почему-то так и не появился. Ладно, пора домой, а то что-то аппетит разыгрался не на шутку.

В шесть часов вечера я снова появился в бывшем своем дворе, но уже на мопеде. Пацаны, естественно, сразу им заинтересовались, и я не стал обламывать их любопытство и подробно рассказал, что это такое, а потом даже покатал желающих. Причем Сережку Азарова не сзади, а спереди, и за школой дал ему покрутить ручку газа.

Что интересно, картина – взрослый парень с мотовелосипедом, а вокруг вьется детвора – никакого удивления у окружающих не вызвала. В двадцать первом веке меня, пожалуй, могли бы заподозрить в педофилии или киднепинге.

Ну, а здесь я уже через полчаса узнал, что у Антоновых из третьего подъезда никакого сына нет и никогда не было. Есть дочь, Тома, она уже взрослая, в прошлом году в институт поступила.

Домой я ехал не спеша, ибо было о чем подумать.

В общем-то отсутствие здесь Витьки Антонова меня не очень удивило. Ведь если сейчас идет прошлое моего мира, то почему в будущем Вера Михайловна до сих пор считает, что сосед Витя погиб в шестьдесят втором? И ее дети, внуки никуда не делись. Тут они тоже скорее всего будут, но уж явно не те же самые. В общем, миры явно не тождественные. И между ними возможно какое-то взаимопроникновение, в результате чего я смог здесь оказаться. Кстати, про нечто похожее я читал в двадцать первом веке. Если кому интересно, то он тоже может почитать. Тема называется «Парадокс Нельсона Манделы». А это значит, что Антонову надо залезть в Интернет и записать как можно больше мелких и мало кому интересных исторических фактов, а Скворцову – проверить, все ли они имели место здесь. Хотя и так видно, что основные события повторяются точно как по факту, так и во времени. То есть вполне возможно, что отличий одного слоя мироздания от другого всего два. Здесь не родился Виктор Антонов и идет тысяча девятьсот шестьдесят третий год, а там две тысячи восемнадцатый. Ну,

а что никакие мои действия здесь не приводят к изменениям там, я уже заметил. У этого мира свое будущее, и оно еще не определено.

Вера закончила седьмой класс без троек, в честь чего я наконец-то выполнил свое обещание и покатал ее на мопеде. Нет, по двору мы с ней ездили и раньше, она не утерпела, но сейчас поехали на Ленинские горы. Причем не вдвоем, а втроем – в специально для него сделанной корзинке перед рулем сидел Джуля и радостно тявкал на обгоняющие нас автомобили. Впрочем, движение было таким, что, облаив один, он потом вынужден был минуту, а то и две ждать, пока появится следующий.

В общем, покатались мы хорошо, и я на обратном пути окончательно решил, что от добра добра не ищут и надо начинать как-то ухаживать за Верой уже сейчас, дабы не увели. А как ей стукнет восемнадцать – делать предложение.

Однако этим же вечером выяснилось, что подобные планы вынашиваю не один я.

Как я уже говорил, наша квартира была на первом этаже, а под окнами был газон, на котором росли кусты и деревья. Зимой они не перекрывали обзор во двор, но, когда распустились листья, вид из окна стал напоминать настоящий лес, хотя посадили все от силы лет пять назад. Я, естественно, часто настезь открывал окно. И, как выяснилось этим вечером, не только я, соседи тоже.

Тетя Нина беседовала с Верой, причем, похоже, они сидели не очень далеко от окна, мне было почти все слышно.

– Нет, дочь, ну что ты такое задумала, из школы уходить?

– Так ведь не сейчас же! А после восьмого класса. Пойду в педагогическое училище.

– Знаешь, а ведь у Антонины, нашей заведующей, муж в том самом ФИАНе в кадрах работает. И я ее попросила, чтобы он про нашего Витю разузнал, как он там. Так Антонина рассказала, что на него все нарадоваться не могут, мол, руки золотые, а знает даже побольше иных кандидатов. Там вокруг него, говорит, одна лаборантка увивалась, вся из себя писаная красавица.

– Ой... – пискнула Вера.

Я, честно говоря, впал в некоторое недоумение. Вот как-то не припоминалось, чтобы вокруг меня кто-то увивался. Да и среди лаборанток, конечно, встречались такие, каких можно было назвать красавицами. Но, во-первых, исключительно в порядке комплимента. А во-вторых, смотреть при этом желательно куда-нибудь в сторону во избежание когнитивного диссонанса.

– Что «ой»? Отшил он ее. Потому что дура.

Я, кажется, начал понимать, о ком идет речь. Наверняка имеется в виду Маргарита. Она недавно вздумала протереть влажной тряпкой включенный блок питания. А там, между прочим, на выходе полтора киловольты! Правда, максимальный ток всего тридцать миллиампер, но этой дуре хватило бы. Ну, я ей и высказал почти все, что о ней думаю. Почти – это потому, что наиболее экспрессивные и наименее цензурные эпитеты я все-таки придержал при себе. Может, зря? И вообще, кто додумался назвать эту корову красавицей? Ладно бы такое сказали про Наташу, но она уже замужем и вообще не в моем вкусе.

– Так ты-то такой не будь! – продолжала натаскивать дочь Нина Александровна. – На что ты ему будешь нужна с восьмью классами и занюханным ПТУ? Он с докторами наук на равных разговаривает! Как ни зайдешь к нему, так или мастерит что-то, или книжки ученые читает, толстые такие.

Все правильно, недавно я решил более основательно, чем в свое время в институте, изучить «Капитал». Книга действительно весьма весомая.

– Он в двух библиотеках записан! В институтской и в той, что у метро «Академическая». И не пьет вообще ни капли, где сейчас такого найдешь? Так что и не думай уходить из школы

после восьмого класса, учись до десятого, а потом в институт. Например, в медицинский. Сама ты еще не понимаешь, как тебе повезло, что у нас такой сосед.

– Мам, да все я понимаю, но ведь до восемнадцати лет мне еще три с половиной года. Уведут же!

– А чтобы не увели, тебе надо за собой следить и выглядеть как нормальная девушка, а не как замухрышка. Вот что у тебя на голове за копна? Знаешь, а давай-ка на Кравченко в парикмахерскую сходим, там у меня мастерица знакомая, она тебе сможет хорошую прическу устроить.

Так, подумал я, надо срочно что-то делать, а то ведь действительно могут и догадаться соорудить вместо очень идущей Вере прически, как у Алисы, которая «Гостя из будущего», какой-нибудь модный кошмар.

Тут Вера выдала такое, что я лишний раз убедился в правильности своих далеко идущих планов.

– Нет, лучше сначала спросить у Вити, какие ему прически больше нравятся. А потом уже куда-то идти.

Умница, подумал я. А то ведь та же Света, даром что красивая баба, несмотря на свои пятьдесят три года, иногда так намажется да такое безобразие на голове соорудит, что временами я в самый ответственный момент с трудом удерживался от искушения прикрыть ей физиономию трусами. Причем своими, ибо ее и нос толком не прикрыли бы. И, главное, мое мнение по поводу всего этого ее никогда не интересовало.

– Да, дочка, ты, наверное, права, спроси, хуже не будет. И не волнуйся, ты ему нравишься, это видно. Если сама какой дурости не учудишь, никто его у тебя не уведет.

Согласен, подумал я, пусть только какая-нибудь попробует увести, сразу пошлю. Но, выходит, все мои хитрые планы по завоеванию сердца ничего не подозревающей девушки окончательно потеряли актуальность. У нее свои есть, небось еще хитрее. И не надо ломать голову, как бы найти повод подарить ей что-нибудь еще до дня рождения. И что именно – французские духи, бальное платье из натурального шелка или золотые сережки? Нет, не будем проявлять купеческий размах, когда он совсем не нужен. Недавно я в ГУМе видел недорогие, но довольно красивые женские часики, вот их и надо подарить. В честь окончания седьмого класса без троек. И хорошо, что матери, скорее всего, удастся сподвигнуть ее на учебу в мединституте.

Вера Михайловна из двадцать первого века, как и ее мать, всю жизнь проработала воспитательницей в детском саду, хотя сама призналась мне, что мечтала стать врачом. Ну так пусть у этой Веры мечты сбудутся!

Когда следующим вечером я вручил подарок и объяснил, в честь чего он, Вера аж ненадолго потеряла дар речи, а потом неуверенно спросила:

– Витя, я даже не знаю... они, наверное, очень дорогие?

– Не очень, – пожал плечами я, – тем более что мне неделю назад премию дали. И вообще, мне для друзей и родных денег не жалко. Могу и подороже что-нибудь подарить, если хочешь. Мопед как у меня, например.

– Нет, мопед не надо... Вить, ты лучше скажи, я тебе друг или родная?

– И то, и то. А что, были сомнения?

– Да... то есть нет... ой...

Вера покраснела, быстро чмокнула меня в щеку и убежала в свою комнату, я же, глянув в зеркало, убедился, что у меня на физиономии до сих пор так и светится глупая улыбка. Виктор Васильевич Антонов, наверное, удивился бы – да что это с ним такое? Но Витя Скворцов удивляться не стал. Ему все было ясно.

Глава 6

Девятнадцатого июня я остался один в квартире. Соседи всей семьей уехали отдыхать – дяде Мише дали льготную семейную путевку в Крым. Вот только Джульку с собой они взять не смогли, и он, собака, остался со мной.

Такая щедрость профкома не была чем-то исключительным, но все-таки подобные путевки раздавали не всегда и не всем. Поэтому соседи решили, что пусть лучше телевизор у них появится на пару месяцев позже, но к морю они съездят, тем более что никто из них его до сих пор ни разу не видел.

А так как у меня наконец-то получилось перенести в шестьдесят третий год фотоаппарат, я, купив пленок и книжку «Справочник фотографа-любителя», вручил все это Вере с наказом снимать как можно больше, а то, мол, я тоже море видел только на картинках.

Применительно к Вите Скворцову это скорее всего было правдой, но Антонов уже не раз бывал на Черном, Средиземном и Красном морях, так что я Вере не очень завидовал, хотя, конечно, показывать старался обратное. А она, ясное дело, меня жалела.

– Да ерунда, – отмахнулся я, – мне все равно отпуск пока не положен, слишком мало работаю. Зато права уже получил, так что сейчас могу купить настоящий мотоцикл, за зиму его привести в порядок и на следующий год съездить на море уже на нем.

– И меня возьмешь? – заинтересовалась девушка.

– Посмотрим на твою успеваемость. А пока иди чемодан собирай, а то не одно, так другое забудешь, и придется тебе сокращаться на берегу моря из-за отсутствия чего-нибудь нужного. Например, купальника.

– Ой, а я не помню, положила его или нет...

– Вот именно, так что иди.

И, значит, соседи в конце концов собрались и уехали, а мы с Джулькой остались. Первые два дня он потерянно бродил по квартире, заглядывая в темные углы и не понимая, куда же почти все делось, но потом потихоньку ожил. Теперь по утрам я отчаливал на работу не сразу, а после пятнадцатиминутной прогулки с собакой, а вечером мы гуляли уже полчаса. Заодно я понял, отчего пустырь между Второй и Третьей улицами Строителей назывался Собачьей площадкой. Таких гуляющих, как мы с Джулькой, по утрам и вечерам там было куда больше, чем обычных людей, без собак.

Перед отъездом тетя Нина набила мой холодильник продуктами, так что на первую неделю мне точно хватит, а вторую как-нибудь перекантуюсь, не совсем же я безрукий в кулинарном смысле. Вон, макарон почти полшкафа, вари – не хочу. И перловки там тоже немало.

А вообще, похоже, без денег из двадцать первого века мне не обойтись, подумал я. Заготовительные операции уже слегка облегчили карман, а тут ведь пора покупать магнитофон, да и мотоцикл, если честно, тоже не помешает. Что-то одно я еще осилил бы, но оба предмета роскоши сразу – уже нет. Тем более что на работе, узнав о моих намерениях относительно мотоцикла, все стали наперебой советовать не связываться с «Ковровцем», а купить «Яву». И долго расписывали мне ее несравненные достоинства.

Я слушал вполуха, ибо прекрасно знал, что такое «Ява». У Антонова когда-то она была, причем именно такая, как сейчас продается, то есть шестнадцатисильная двухцилиндровая «старушка». Действительно, у этого мотоцикла хороший мотор и довольно удачная передняя вилка. Задний маятник уже не очень, его портят слишком узко расположенные крепления, из-за чего он быстро разбалтывается. Рама так себе, но ездить можно. Седло отличное, куда удобнее в дальних поездках, чем на последующих моделях. Но вот свет – полный отстой. Даже хуже, чем на «Восходе». Лучше бы его вовсе не было, я бы тогда и не пытался ездить ночью.

А так – пытался, но получалось плохо, особенно на серпантинах по пути к Сочи. Но я даже тогда смог его улучшить, неужели сейчас не смогу?

Вскоре оказалось, что и с деньгами я поторопился. Ну вот откуда, интересно, у меня взялись такие мелкоуголовные наклонности? Чуть возникают трудности, сразу задумываюсь о контрабанде, пусть даже и межвременной. А все решается гораздо проще.

Выяснилось, что у нас в институте есть такая интересная организация, называется касса взаимопомощи, и я как-то незаметно для себя ухитрился стать ее членом с первого дня в ФИАНе. Даже, оказывается, взносы туда регулярно платил. Так вот, она мне, как передовику производства и активному рационализатору, была готова ссудить пятьсот рублей на полтора года и под два процента годовых. А двухгоршковая «Ява» стоила шестьсот тридцать, так что у меня после ее покупки еще и на магнитофон останется. Довольно неплохая «Астра» стоит сто сорок пять рублей. Электроника там, конечно, так себе, но ее в любом случае менять, зато протяжка очень даже ничего.

Ну и оттого, что дома даже поговорить было не с кем, Джуля все-таки был хоть и внимательным, но не очень словоохотливым собеседником, я стал чаще задумываться и даже пришел к определенным выводам.

Итак, то, что через четверть с небольшим века случится с Советским Союзом, мне не нравится, и я хочу если не полностью предотвратить, то хотя бы откорректировать процесс. С чего надо начать? Разумеется, с подбора единомышленников, один я много не навоюю. Какие к ним предъявляются требования? В идеале следующие.

Первое – кандидат должен иметь возможность понять глубину грядущей катастрофы и поверить в нее.

Второе – он должен хотеть что-то исправить.

Третье – он должен обладать такими умственными и моральными данными, чтобы это смочь.

И, наконец, четвертое. Этот самый кандидат должен иметь административные возможности для влияния на политику советского руководства. Или достаточно реальные перспективы приобретения таковых.

Понятно, что идеала в природе не бывает, вряд ли я найду человека, подходящего по всем четырем пунктам. Но можно рассмотреть паллиативные варианты. Начнем, пожалуй, с самого заметного, без портретов которого не обходится ни одна газета, который постоянно маячит в телевизоре и занимает заметную часть времени в сетке радиовещания. То есть с нашего дорогого Никиты Сергеевича. С четвертым пунктом у него все в порядке. А с остальными?

По первому – полный ноль. Он и гораздо более простые вещи понять не в состоянии. Бежать к нему со смартфоном наперевес бессмысленно. Этого придурка хоть вообще завали смартфонами по самую лысину, он все равно не поумнеет.

Второй пункт чуть оптимистичней. Захотеть-то он, конечно, захочет, узнав, какую бяку ему готовят товарищи по партии в шестьдесят четвертом году. Нет сомнений, что Брежнев, Подгорный, Шелепин и их прихлебатели вылетят из власти впереди собственного визга. Косыгину небось тоже достанется. Зато потом Никита будет сидеть в первых секретарях до самой своей кончины в семьдесят первом, и что он успеет натворить, лично мне даже представить трудно. Нет, это не вариант.

Шелепин? Вроде так ничего. Но то, что я про него знаю, наводит на подозрение, что он идеалист. А идеалист во власти даже опаснее придурка, так что пока примем, что на него тоже ставить не нужно. По крайней мере, сразу. Лучше сначала повнимательней присмотреться.

Подгорный? Это даже не смешно.

Брежнев? Особенно после того, как он сядет на место Никиты. Возможно, но весьма сомнительно. Ну не поверит он, что развал Союза был прямым следствием его политики! Максимум, чего от него можно ждать, так это того, что он, узнав о судьбе дочери и зятя после своей смерти, задвинет Андропова третьим секретарем куда-нибудь в самую отдаленную область. Или послом в Гондурас. Тоже неплохо, ведь Горбачев был креатурой именно Андропова. Но мало.

Косыгин? Пожалуй, самый реальный кандидат из верхнего эшелона, но я про него очень мало знаю. То есть надо собрать побольше сведений и только потом начинать обдумывать реальность выхода на него.

Это те, кто во власти уже сейчас. А как с теми, кто туда пройдет потом?

Стоп, одернул я себя. Нельзя так сужать область поиска. Интересны не только те, кто в известном мне будущем займет достаточно высокое положение, но и те, кто теоретически сможет подняться, но не сделает этого. Например, потому, что им противно. Или просто обстоятельства так сложатся.

Тут я мысленно усмехнулся. Один такой уже есть. Он, наверное, сможет подняться, но не делает этого именно по уже озвученной причине. Ему не просто противно – омерзительно. По своей воле лезть в такой гадюшник, как руководство сначала комсомола, а потом, не приведи господи, еще и партии... брр. Мерзко. Но если надо? Ну, типа, собрать волю в кулак, глубоко вздохнуть, потом задержать дыхание и вступить в это дерьмо?

Думаю, многие уже догадались, что я имел в виду себя. В восемьдесят пятом Вите Скворцову будет тридцать четыре года. Тот же Шелепин был на год младше, когда стал секретарем ЦК, да и сейчас ему всего сорок пять. Но все же возраст будет еще не совсем тот, чтобы устроить старших товарищей. Да, но если я такой буду не один? Заранее сколотить команду карьеристов, сразу занять в ней место лидера и двигаться вверх толпой. Даже если по дороге кто и отсеется, это не так страшно. Как говорится, отряд не заметил потери бойца. Да, но вот только этим бойцом скорее всего стану я. Стая карьеристов, она ведь не задумываясь разорвет вожака, как только увидит, что он ведет ее куда-то не туда, не к сияющим высотам личного благополучия. То есть снова тупик, и надо возвращаться к началу. Где найти людей, которые захотят и смогут сделать хоть что-то, дабы помочь своей стране?

Кстати, многие, если подробно узнают о будущем, могут задать в какой-то мере оправданный вопрос – а от чего спасать-то? Ведь если смотреть с точки зрения Маркса с Энгельсом, то в брежневские времена народ жил, считай, при коммунизме. Никто особо не голодает, у всех есть где жить, причем у многих жилищные условия не хуже, чем у самих упомянутых бородатых классиков. Тепло-то ватерклозета у них небось не было, как и кранов с горячей и холодной водой да множества электроприборов от утюга до пылесоса и стиральной машины. Оборванцев нет, хотя бы один комплект приличной одежды есть у каждого. Образование и медицина бесплатные. Чем не высшая стадия общественного развития?

А с точки зрения того же Хрущева при коммунизме живу уже я, в смысле Виктор Васильевич Антонов. Ведь как его представлял себе лысый теоретик?

– Исчезнет тяжелый физический труд.

Ну так лично для меня он исчез еще лет за десять до пенсии, этот пункт выполнен.

– Значительно поднимется материальное благосостояние и культурный уровень трудящихся.

С этим тоже все в порядке! Благосостояние у Антонова терпимое, больше ему все равно не надо. И культурный уровень с шестидесятых годов вырос вообще неимоверно. Тогда он мог послать только на русском языке, да и то недалеко и неуверенно в силу юного возраста. А сейчас – на четырех языках, кроме родного! И куда виртуозней, чем тогда. Куда еще расти-то?

– У советских трудящихся будет самый короткий рабочий день в мире.

У меня его продолжительность вообще равна нулю, я пенсионер.

– И, наконец, общественный транспорт станет бесплатным.

Смотрим предыдущий пункт и принимаем во внимание, что я московский пенсионер и транспортом пользуюсь на халяву.

То есть получается, что я давно живу при самом что ни на есть настоящем коммунизме. И чего мне тогда не хватает? Автомобиля? Так у меня его нет не потому, что не могу купить – взять кредит недолго, и кататься на здоровье. А потому, что он мне на фиг не нужен.

В чем-то я, кстати, живу лучше, чем герои Стругацких и Ефремова в коммунистическом будущем. Те, чтобы пообщаться, шли в будки видеосвязи, это вроде уже почти забытых телефонных, только с экраном. А я могу достать смартфон и говорить с кем угодно с показом своей небритой и вообще не фотогеничной физии. Просто это почти никому не нужно, поэтому такой режим редко используется, но вообще-то он доступен каждому.

То есть на самом деле общеизвестная формула коммунизма не совсем правильная. Она должна выглядеть так – «от каждого по способностям, каждому по РАЗУМНОЙ потребности». И коммунизм наступит не тогда, когда материальных благ будет произведено столько, что хватит каждому. Козлам все равно не хватит. А когда большинство поймет, что хапать больше, чем тебе действительно необходимо, – аморально. Разумеется, быстро такое благолепие наступить не может. Вот именно эта идея и была тем самым ребенком, которого выплеснули вместе с водой в процессе демонтажа брежневского развитого социализма.

Хорошо хоть я понимаю, что моя подкованность в данных темах хромает на все четыре лапы и хвост до кучи. И «Капитал» тут почему-то не очень помогает. Значит, что? Первым делом надо искать человека, который силен именно в теории затронутых вопросов. И, ясное дело, поиск надо вести как можно дальше от института марксизма-ленинизма. Плюс, разумеется, от идеологического отдела ЦК КПСС. И от Сулова, который один сделал для дискредитации коммунистической идеи намного больше, чем все диссиденты, вместе взятые.

Так вот, я почти понял, где искать этого человека. Почти – это потому, что для выяснения его адреса нужно отправляться в двадцать первый век, так это нетрудно. Вот только время... не так уж долго ему осталось жить. Да, но я-то на что? Даже если он не окажется ни «десятым», ни «девятым», я смогу ему помочь. У меня есть знакомые в медицинских кругах двадцать первого века, приходилось кое-кому оказывать услуги. И будут здесь, как только они понадобятся!

Наконец-то я почувствовал себя в своей тарелке. До сих пор мне было не очень понятно, зачем вообще я живу не только там, но и здесь. Ну не только же для того, чтобы Вера Астахова через три года сменила фамилию на Скворцова и обрела семейное счастье. А теперь появилась цель. Пусть пока одна из многих других, еще неясных, промежуточная, но она есть! А уж переть к цели, как раненый носорог, невзирая ни на что, я умею. Приходилось и раньше.

– Тяф! Тяф! – подтвердил Джуля. Ну типа хоть ты мне и не обожаемая хозяйка, но я все равно с тобой. Не бойсь, прорвемся.

Я потрепал подростка по холке.

– Джуль, мне пора. Хотя ты, наверное, моего временного отсутствия все равно не заметишь...

То ли у меня просто повысилась квалификация межвременных скачков, то ли сказалось возбужденное состояние, но для перехода в двадцать первый век не потребовалось даже

ложиться. Я сел, прикрыл глаза, представил себе, что засыпаю... и вот я уже не Витя Скворцов, а Виктор Антонов. Так, какое у нас здесь число, не помню? Третье января, утро. Народ еще в синей яме, но Интернет все равно работает. И, будем надеяться, хоть некоторые магазины тоже. Что бы такое взять с собой туда для укрепления взаимопонимания? Кроме смартфона. В первую очередь букридер с аудиоплеером такого размера, чтобы пролез в прошлое. К нему, естественно, приличные наушники. И, наверное, маленький квадрокоптер с режимом FPV, то есть полета от первого лица, тоже будет к месту. Наконец, надо узнать адрес, но это совсем просто.

Глава 7

Двор был довольно похож на тот, где я теперь жил, да и дом был той же самой серии. Только тут он стоял на ровном месте и поэтому весь был восьмиэтажным, а у нашего, стоящего на уклоне, два подъезда имели по девять этажей.

Я вошел в подъезд и поднялся на второй этаж. Постоял, чтобы немного собраться с мыслями, – волновался я если и меньше, чем когда с поезда явился на улицу Строителей, то ненамного. И, решив, что хватит отстаиваться, нажал кнопку звонка.

Открыла мне среднего роста черноволосая женщина на вид лет тридцати с небольшим, довольно миловидная. Так как я готовился к визиту и просмотрел немало фотографий, то опознать ее удалось сразу.

– Здравствуйте, Таисия Иосифовна. У меня очень важное дело к вам и вашему мужу, Ивану Антоновичу.

– Проходите, – не очень уверенно предложила она, – но Ивана Антоновича нет, он будет ближе к вечеру.

– Если вы не возражаете, то тогда я сначала изложу это дело вам.

– Хорошо. Проходите вот сюда и начинайте.

Квартира была почти такая же, как наша, только вывернутая зеркально. И меня пригласили в комнату, аналогичную той, где жили Астаховы.

– Вот, – я выложил на стол смартфон и нажал кнопку сбоку. Так как он уже был включен, то экран сразу засветился.

– Это электронная вычислительная машина, по быстрдействию превосходящая лучшие современные примерно в сто тысяч раз. Объем ее памяти где-то раз в сто превосходит таковой суммарный у всех ЭВМ мира, вместе взятых. Она умеет не только считать, но и выполняет множество иных функций.

После чего я быстро продемонстрировал калькулятор, набивку текста, несколько фотографий Джульки, запись видео с последующим воспроизведением, а потом запустил фильм «Туманность Андромеды».

– Да, вы все правильно поняли. В настоящее время таких ЭВМ нет и даже ничего отдаленно похожего быть не может. Я из будущего. Из две тысячи восемнадцатого года. Вот, читайте. Это про вашего мужа, статья в электронной энциклопедии.

Я убрал фильм, вывел на экран статью из Вики и протянул смартфон женщине.

– Текст можно двигать вот так, пальцем.

Она быстро пролистала статью примерно до середины, потом вернулась к началу и долго, минут пять, смотрела в экран.

– Так и знала, – прошептала она. – Всего девять лет...

Но потом подняла глаза и с надеждой спросила:

– Скажите, но ведь вы здесь затем, чтобы это исправить? Да? Вы сможете?

– Да, – подтвердил я. – Смогу. Но вот насколько это получится эффективно, можно будет сказать только после личной встречи с Иваном Антоновичем.

– Значит, его еще помнят...

Женщина помаленьку приходила в себя.

– Не то слово. Иван Ефремов по праву считается классиком советской фантастики.

– Ох, извините, сразу не спросила. Вы не голодны? И это трудно – перемещаться по времени?

Все-таки с женой фантаста проще разговаривать, чем, например, с супругой завмага, подумал я. Как только убедилась в весомости моих доказательств, поверила тут же. И явно не подозревает меня ни в какой афере.

– Нет, для меня не трудно. И я не голоден, но чаю бы попил. И вот к чаю.

Я достал из рюкзака торт в яркой коробке, час с небольшим назад купленный в Елисеевском. Очередь, кстати, пришлось отстоять довольно приличную.

– А это уже из двадцать первого века.

На стол легли два плода киви.

– Что это?

– Киви. Новозеландцы скоро искусственно выведут этот фрукт из какого-то китайского крыжовника и назовут в честь птицы, которая является символом их страны. Попробуйте.

– Нет, я, если можно, подожду Ивана Антоновича. Но чего мы здесь-то сидим, пошли на кухню!

В процессе дегустации торта и запивания его чаем я в качестве ответа на вопрос «Как там у вас живут?» начал просто показывать фото из телефона, иногда их комментируя.

– Это Москва? – удивилась Таисия, глянув на фото Москва-Сити. – И много в ней стало таких мест?

– Всего одно.

– Ну, тогда ладно...

Потом, глянув на фото храма Христа Спасителя, женщина спросила:

– Вы были и в более далеком прошлом?

Но потом пригляделась и уточнила:

– Нет, это, похоже, ваше время.

– Да, храм построили заново на месте бассейна.

– Ну, может, и правильно... бассейн-то там точно не к месту.

Я ждал, когда же она начнет спрашивать про коммунизм, и был готов начать оправдываться – мол, увы, это оказалось далеко не так просто, как вам обещал Никита... но, похоже, Таисии на этот самый коммунизм было начхать. Зато ее почему-то заинтересовали снимки Виктора Антонова на моноколесе.

– На чем это он?

Я кратко объяснил.

– И трудно на таком ездить?

– Не очень. Примерно как на велосипеде, и учиться столько же.

– Вы тоже умеете?

– Да.

– Нравится?

– Ага, первое время вообще было впечатление, что я не еду, а лечу над дорогой. Потом, правда, привык. И вообще, это же очень удобный индивидуальный транспорт, полностью совместимый с общественным. Доехал до метро, взял его с собой, как чемоданчик, а потом вышел и снова едешь куда надо.

– У вас метро в каждом поселке?

– Нет, но в поселках такая штука и не нужна, разве что как спортивный снаряд. Она для мегаполисов.

– Простите, чего?

– Очень крупных городов.

Таисия глянула на часы и заметила:

– Иван скоро уже должен прийти.

Я кивнул и начал еще раз прокручивать в памяти то, что придумал к сегодняшнему визиту. Дело было в том, что у меня, разумеется, имелся ответ на вопрос «А как вообще осуществляются межвременные переходы?». Но, к сожалению, он, хоть и был абсолютно точным, даже меня не совсем удовлетворял. И уж тем более он вряд ли удовлетворит Ефремова. Этот ответ – «да хрен же его знает!». Да, но ведь у меня могут быть гипотезы о сути происходящего,

и я вполне смогу их изложить, уточнив, что это именно гипотезы. Все хорошо, но вот только в чем они могут заключаться? То, что это господня воля, конечно, может быть, но никаких конкретных выводов не подразумевает. А вот если то же самое изложить несколько по-другому?

Я читал про ноосферу Вернадского и с самого начала считал, что его теория может быть немного расширена. С моей точки зрения, ноосфера имеет все шансы обрести разум. Более того, вполне возможно, что она его уже давно обрела.

В микропроцессоре порядка двух миллиардов логических элементов. Каждый из них прост до примитивности как схемно, так и по алгоритму работы, но вместе они образуют мощную систему. Искусственный интеллект уже не чистая фантастика.

В мозгу человека около восьмидесяти миллиардов нейронов. Алгоритм взаимодействия нейронов между собой неизмеримо сложнее, чем между ячейками в процессоре. Поэтому человеческий мозг способен на значительно большее, чем самый навороченный искусственный интеллект. Правда, работает он куда медленнее.

Сколько на Земле живых организмов, никто, по-моему, не знает. Но их уж всяко не миллиарды, а как минимум триллиарды – или что там после них. И взаимодействуют они между собой по более сложным алгоритмам, чем нейроны в мозгу человека. И, значит, потенциальный разум ноосферы может оказаться настолько же мощнее человеческого, насколько наш интеллект мощнее искусственного. Увы, и настолько же медленнее.

Человек живет в трех измерениях, где может сравнительно свободно перемещаться. В четвертом – времени – ему доступно только равномерное прямолинейное движение. Но почему ноосфера не может выйти за эти ограничения? С таким-то интеллектищем! Я бы на ее месте смог. Что ей мешает существовать, например, сразу в пяти измерениях – три пространственных координаты, время, слои мироздания. И более или менее свободно перемещаться по ним, примерно как мы в пространстве.

И тогда мы – Антонов и Скворцов – вполне можем быть эмиссарами ноосферы внутри ее самой. Кстати, есть и ответ, почему именно мы.

И тот, и другой экстрасенсы. Наверное, это очень редкий вид. Во всяком случае, ни один из нас ни разу не встречал себе подобных. Вот ноосфера нас и связала. Зачем? И тут мы возвращаемся к исходному постулату, с которого и стартовали рассуждения. Да хрен же ее, ноосферу, знает!

Кстати, это вполне соответствует принципам диалектики. В своих логических построениях я прошел по спирали и вернулся к тому, с чего начал, но на более высоком уровне.

В общем, как только я убедился, что помню основные положения своей не то гипотезы, не то ахинеи, из прихожей раздался звук открываемой двери, а за ним вопрос:

– У нас гости?

То есть пришел хозяин и увидел мои кеды.

Мы вышли в прихожую. Таисия попыталась что-то сказать, но получилось у нее только:

– Вань... к нам... э...

Ефремов шагнул вперед и, протянув руку, представился.

– Виктор Васильевич Скворцов, – сообщил в ответ я и, пожимая протянутую руку, почувствовал, что ее обладатель почти наверняка «девятый». Что ж, это упрощает. Правда, такого скоротечного контакта маловато для уверенной идентификации, но, с другой стороны, это по опыту Антонова. А Скворцов как экстрасенс все же сильнее.

– Я прибыл к вам из будущего, из две тысячи восемнадцатого года. Вашей супруге я уже представил необходимые доказательства, сейчас и вам представлю. Это займет всяко меньше времени, чем решение вопроса – жулик я или просто псих, – который вы наверняка себе уже задали.

– Нет, еще не успел, – усмехнулся Ефремов, – так что давайте, показывайте.

– Хорошо, тогда пошли на кухню, там еще и торт есть, помимо нескольких артефактов.
– Убедительно, – хмыкнул Иван Антонович по завершении краткого показа возможностей смартфона. – Я вам верю, на мистификацию это не похоже.

Кстати, дата собственной смерти в статье из Вики его не заинтересовала совершенно. Или он смог это очень хорошо скрыть. Первый вопрос, который он задал, был для меня совершенно неожиданным.

– Вам есть где остановиться в этом времени?

Несколько секунд я хлопал глазами, но потом сообразил, что, явись сюда Антонов в своем материальном воплощении прямиком из двадцать первого века, это действительно был бы самый актуальный вопрос.

– Спасибо за участие, но я тут нормально устроился. У меня есть все необходимое – паспорт, комната в коммуналке, велосипед с мотором и даже невеста. И, кстати, я несколько старше, чем выгляжу. Мне шестьдесят шесть или шестьдесят семь лет, это смотря как считать.

– Вы неплохо сохранились, – усмехнулся Ефремов. – В будущем все так или вы – исключение?

– Второе.

Я решил сразу не говорить, что вообще-то Скворцов и Антонов – это разные люди, хоть и тезки. Они же мысленно вместе, так что это не только не ложь, но и не такое уж серьезное умолчание.

Иван Антонович тем временем продолжил расспросы:

– Вы употребили слово «артефакты» во множественном числе. Один мы видели, это ваша ЭВМ. А остальные?

– Еще два – вот.

Я показал на два плода киви и еще раз объяснил, что это такое.

– Ой, мужчины, да вы садитесь к столу, торт же остался! И чай еще горячий, – спохватилась Таисия. – Вот только хлеба нет, в магазин на Губкина не завезли, а в «Москву» я не ходила.

Все правильно, подумал я, уже потихоньку начались перебои с продуктами.

Ефремов откусил киви.

– А ничего, на вкус довольно приятно у новозеландцев получилось. Но все же, если вы не против, мы с Таей еще бы вас послушали. Про то, сбылось ли обещание Никиты построить коммунизм к восьмидесятому году, я даже и спрашивать не буду, тут все очевидно. Наверняка и у вас его не только нет, но и непонятно, когда же он наступит. Но вот что вместо него – мне, честно говоря, интересно, во что мог развиваться социализм по Хрущеву.

– Не успеет он ни во что развиваться, или, если точнее, выродиться, через год с небольшим лысого придурка отправят на пенсию верные соратники. Достанут их его постоянные закидоны. Социализм будет брежневский, он же развитой. И вот ему уже хватит времени выродиться по полной.

– Похоже, у вас Никиту не очень уважают? Возможно, зря, все-таки он сделал немало полезного.

– Но наворотил фигни намного больше. И теперь я, как вы и хотели, расскажу, что произошло в нашей стране и в мире в последующие полвека с хвостиком...

– Интересно, – задумчиво сказал Ефремов, – явный реакционный переворот, но внешние проявления – как у Французской революции. Сначала – энтузиазм широких масс, полное отрицание «темного прошлого», там разрушили Бастилию, у вас низвергали памятники. Потом – неспособность новых властей навести порядок и, как следствие, разгул преступности. Но это всем надоело, и создались условия для прихода к власти представителей нарождающейся крупной буржуазии, во Франции это называлось Директория. Мелкую преступность быстро

прижали, она мешала воровать по-крупному. Ну, а потом пришел Бонапарт. Как там у вас с кандидатами в Наполеоны?

– Да так себе. Есть, конечно, и не один, но все какие-то больно уж мелкие и неубедительные.

– Значит, у вас все еще впереди.

– Возможно. Во всяком случае, за последние годы популярность Сталина в народе сильно выросла. И, кстати, я вам не показал еще один артефакт. Захватил его на всякий случай, если смартфон покажется вам не слишком убедительным, но вы мне и без того поверили.

– А вдруг не до конца? – потер ладони Ефремов. – Доставайте, чего уж там.

Я вытащил из рюкзака замотанный в упаковочную пленку квадрокоптер. Хотя он был и маленький, но в исходном виде в прошлое все равно не проходил, его пришлось разобрать и переправлять в четыре захода, а здесь снова собрать.

– Детская игрушка, к тому же недорогая, – пояснил я, включив приложение и укрепив смартфон в зажиме пульта управления, – летать может минут пятнадцать, дальность связи пятьдесят метров.

Дрон с негромким воем взлетел, и я, ориентируясь на картинку в телефоне, сначала вывел его в прихожую, потом в ту комнату, куда меня сначала пригласила Таисия, затем вернул на кухню и после двух кругов над супругами посадил его на стол.

– Настоящие дроны-разведчики способны держаться в воздухе часами, а некоторые – и десятками часов. И передавать изображение на сотни километров. Самые крупные из них могут нести вооружение.

– Вы собираетесь выйти на связь еще и с военными? Вот их такая игрушка действительно впечатлит посильнее смартфона.

– Сейчас – нет. До четырнадцатого октября следующего года я точно не собираюсь контактировать ни с кем, кроме вас. Ну, а потом посмотрим.

– А с чем связана именно эта дата?

– Хрущева скинут в тот день, и мешать этому я совершенно не желаю. Если же проявить активность, то можно случайно и помешать, там ведь все будет висеть на волоске.

– Ваше право. Но все же не можете ли вы рассказать о технических деталях путешествия во времени?

– Они не технические, во всяком случае в общепринятом значении этого слова. И более того – до конца мне самому непонятны. Но себе все это я представляю так...

Где-то минут за пятнадцать я изложил Ефремовым то, что придумал про ноосферу. Под конец меня осенило, и я в порядке импровизации выдал:

– Вот только сейчас подумал – ведь придуманное вами Великое Кольцо, оно ведь трагически медленное только для людей, а для сущностей, живущих как минимум сотни тысяч лет и способных перемещаться во времени не только равномерно и прямолинейно, это не критично. Вдруг оно действительно есть, только связь по нему осуществляется между ноосферами?

– Да уж, фантазии вам не занимать. Значит, говорите, Земля как организм, а мы в нем выполняем функции клеток? Но вы тогда скорее не эмиссар, а, скажем... фагоцит?

Глава 8

В ридере, который я оставил Ефремову вместе с зарядкой и наушниками, были написанные позднее его романы «Час быка» и «Таис Афинская». Раз уж он это однажды написал, то зачем ему сейчас тратить время на то же самое? Пусть лучше сочинит что-нибудь еще, чего он не успел в прошлом времени Виктора Антонова. Или улучшит эти книги, что тоже неплохо.

Кроме ефремовских романов там был еще «Незнайка на Луне» – с моей точки зрения, прямо-таки провидческое произведение. Кстати, многие ли помнят, чем оно закончилось? Я, например, помню. Скинув власть всяких там Скуперфильдов, лунные коротышки пошли практически по пути Китая в конце двадцатого – начале двадцать первого веков! Даже и не подумав отменять деньги или ограничить их функции, а просто кое-где, но не везде, заменив индивидуальную частную собственность на средства производства кооперативной и акционерной. Вот такой финал у меня вызывает сильное подозрение, что на самом деле это ни фигя не детская книга. Как и «Солнечный город», в котором блестяще показана принципиальная неустойчивость классического коммунизма. Чуть его толкни – рухнет и развалится, если не случится чуда. Просто удивительно, что такое пропустила цензура. Ну и подборка фантастики из двадцать первого века. Как лучшей, так и худшей (с моей точки зрения худшей, но почему-то пользующейся устойчивым спросом), и кое-что из музыки.

Мы договорились, что следующая встреча будет через две недели, примерно столько Ивану Антоновичу понадобится на изучение содержимого букридера. Ну, а если у кого-нибудь возникнет надобность во встрече раньше, то я дал Ефремовым свой адрес и рабочий телефон. Домашнего у меня, ясное дело, не было, но, что меня удивило, у Ефремовых тоже.

– Мы же недавно сюда переехали, еще и года не прошло, – объяснила Таисия. – Обещали поставить в начале шестидесят четвертого.

А вообще-то их дом стоял на противоположной от ФИАНа стороне тихой, коротенькой и неширокой улицы Губкина, еще недавно называвшейся Второй Академической. Так что я к ним при необходимости мог заскочить в любое время и быстро.

Ну, а вернувшись домой после знакомства с писателем и его супругой, я от избытка энергии взял лопату, позвал Джульку, и мы с ним пошли копать яму под окном.

Дело было в том, что я все-таки решил – покупать буду именно «Яву». Однако не знаю, как в начале шестидесятых, но в начале семидесятых бросить такой мотоцикл на улице столицы означало высокий риск быстро лишиться аккумулятора, генератора и еще чего-нибудь по мелочи, это в лучшем случае. Но мог исчезнуть и весь мотоцикл. Причем это касалось только «Яв»! Ту же «Макаку» можно было оставлять где угодно, она никого не интересовала. Ни по частям, ни целиком.

Помнится, один мой знакомый решил пересест с в хлам убитого М-104 на «Яву». Продавать свое убоище он не стал, а пошел в Госстрах. И там вполне официально его застраховал от угона. Никакого криминала – у них были формулы, где в зависимости от года выпуска и пробега можно было получить вилку страховой суммы. Знакомому ее установили ближе к нижнему пределу, но даже так получалось раза в полтора больше, чем дал бы за эту «Макаку» самый щедрый покупатель.

И, значит, она месяц торчала на самом видном месте двора, причем так, что ее можно было заметить и с улицы, но никто на нее не покусился.

Тогда парень ранним утром сел в седло и смог хоть и за целый световой день, с двумя ремонтами в дороге, но все же доехать до Загорска, где у него жила бабка, – и бросил свой

транспорт уже там. В Загорске народ оказался попроще, не такие снобы, как в Москве, и мотоцикл был украден на шестую ночь.

Поэтому я на всякий случай еще неделю назад съездил туда, где скоро будет открыто метро «Проспект Вернадского», но пока там еще стройка, и, быстро договорившись с рабочими, заказал им сварную конструкцию из толстой арматуры, напоминающую корзину, только с длинной, почти метровой ручкой. А позавчера настало время забирать заказанное. Я отдал оговоренную пятерку и добавил за качество и скорость исполнения бутылку водки, причем «Столичной», а не «Московской». В ответ мне принесли треть мешка сухого цемента, сказав, что так получится надежней, чем просто закопать этот якорь для мотоцикла в землю. Хоть и с трудом, но мне удалось увезти все это домой на мопеде, но все равно пришлось ехать на стройку еще раз – за битыми кирпичами.

И вот яма выкопана. Я засунул туда «корзину», накидал кирпичей, плюхнул раствора из специально для этого найденного на помойке детского оцинкованного корыта. Кстати, я его еле нашел, пришлось объехать все помойки нашего квартала и половину – соседнего.

Потом настала очередь еще одного слоя кирпичей, снова раствор, и так до самого верха. И, наконец, кладем на место аккуратно срезанный перед началом раскопок дерн. Все, теперь есть куда приковывать мотоцикл – прямо под моим окном у самого края узкой, сантиметров восьмидесяти шириной асфальтовой полосы вдоль стены дома из земли торчала большая перевернутая буква «U». Порядок, теперь можно брать деньги и ехать в магазин за «Явой».

Набор инструментов, причем большей частью из двадцать первого века, у меня уже был. И кроме него – полуторалитровая дюралевая фляга со смесью бензина и масла и пузырек с электролитом для аккумулятора. А как иначе? Это вам не двадцать первый век, где вы, оплатив покупку, можете садиться в седло и ехать. Кстати, даже там такое бывает не всегда. Нет, сейчас рабочие вытащат во двор заколоченный ящик, в который запакован мотоцикл отдельно, переднее колесо отдельно, аккумулятор, причем сухой – отдельно. И делай с этим что хочешь, хоть волоком домой тащи, имея в виду, что ни капли бензина в баке нет, а вызвать грузовое такси – это о-о-очень большая проблема. За неделю нужно заказывать, и совершенно не факт, что оно придет вовремя.

Между прочим, в этом что-то есть. Если человек не умеет держать в руках молоток и гаечный ключ или не может залить раствор серной кислоты в три дырки, то зачем ему тогда мотоцикл? Пусть на автобусе ездит, пока не научится.

Кроме «Явы» я купил еще два шлема. «Кавказскую пленницу» помните? Вот примерно таких, в каком там щеголял Моргунов, только черно-белой расцветки. Хотя сейчас шлем для мотоциклистов еще не обязателен, мне моя голова все-таки дорога вне зависимости от того, что написано в официальных документах. И Верина тоже.

Разумеется, противоугонку я спаял заранее.

С посещениями двадцать первого века я пока решил немного повременить. Во-первых, по большому счету мне там сейчас ничего не нужно. А во-вторых, Антонов обнаружил, что вроде бы экстрасенсорные способности после каждого перехода слегка проседают и восстанавливаются полностью хорошо если через несколько дней. Правда, Скворцов пока ничего такого не замечал, но он молодой, неопытный, мог и не обратить внимания. В общем, не будем рисковать, мне еще приводить в порядок здоровье Ефремова, а это, между прочим, вовсе не какой-то ползучий гад Ликин из не очень светлого будущего.

За всеми этими заботами две недели пролетели быстро, и в один прекрасный вечер, возвратившись с работы, я увидел, что форточка в комнате соседей открыта, и слышал доносящееся оттуда восторженное, с привизгом, твяканье Джульки. Все это однозначно указывало,

что соседи вернулись с югов, и я, закатив «Яву» под свое окно, приковал ее к арматурине, но активировать противоугонку не стал.

– Здравствуй, Вить, мы вернулись! – встретила меня Вера. – А чего это ты сегодня на работу ездил без мопеда? Ой, а почему ты со шлемом? Мотоцикл купил, да? Пошли скорее смотреть!

– Вер, ну хоть дай мне с тетей Ниной и дядей Мишей поздороваться.

– Так чего ты тогда стоишь? Здравойся быстрее, и пошли.

Увидев «Яву», девушка пришла в щенячий восторг – заметалась вокруг нее, подпрыгивая, приседая и повизгивая. В общем, вела себя как Джулька, разве что хвостом не виляла ввиду его отсутствия.

Наконец она слегка утомилась и спросила:

– Вить, а чего ты на меня так смотришь? Я стала ужасно некрасивая?

Дело было в том, что ее родители в Крыму просто загорели, хоть и довольно интенсивно. А она явно успела загореть, обгореть, облезть и местами начать загорать по новой.

– Нет, ну что ты, такая... э-э-э... благородная пятнистость в облике тебе очень идет.

– Опять издеваешься, – попыталась надуться Вера, но у нее не получилось. – Лучше скажи, когда мы кататься поедem?

– Завтра.

– А почему не сегодня?

– Потому что сегодня ты будешь мне рассказывать, как оно там, на море.

– Так я это могу и на ходу!

– Ага, и мы во что-нибудь врежемся, так как я заслушаюсь и не справлюсь с управлением.

Нет уж, сказал завтра – значит, завтра. Пошли домой.

Я активировал противоугонку, она пискнула.

– Ой, Вить, а что это ты сделал?

– Включил противоугонную систему, теперь мотоцикл никто не сможет украсть. Ладно, пошли, а то твои родители того и гляди начнут волноваться, не уехали ли мы куда-нибудь.

За ужином Вера непрерывно тараторила, и не только Скворцов, но даже Антонов смог узнать про отдых на море кое-что новое. Но наконец она устала, утомилась, и мы разошлись по своим комнатам. Однако где-то в одиннадцатом часу вечера я почувствовал смутное беспокойство, а в мою дверь начал царапаться Джуля.

Я открыл ее и предложил:

– Ну, заходи, собака. Что у тебя случилось?

– Вить, извини, пожалуйста, чего это он тебе спать не дает, – вмешалась тетя Нина. – Джулька, домой!

Однако пес не стал реагировать на команду, которую прекрасно знал, а, поскуливая, начал теревить меня за штанину, чтоб, значит, я пошел с ним.

– Тетя Нина, у вас все в порядке?

– Да Вера слегка приболела. В вагоне было больно уж жарко и душно, а из форточек – сквозняки. Да и тут она набегалась и напрыгалась, а сейчас слегла. Завтра, наверное, врача вызовем.

– Ясно, можно мне к вам?

Не дожидаясь ответа, я прошел в соседскую комнату. Вера лежала, укрытая одеялом до самого носа. Но даже так вид ее не производил впечатления совсем уж здорового.

– Рассказывай, что болит.

– Вить, а ты разве доктор?

– Еще какой. Так что с тобой? Голова, говоришь, болит? И знобит? Подташнивает? Ладно, доставай руки из-под одеяла и клади их вдоль тела, вот так.

Я накрыл ее ладони своими и сосредоточился. Так, вроде ничего серьезного. Девочка слегка простудилась, переволновалась и, кажется, недавно съела что-то не очень свежее. За ужином на столе точно ничего такого не было, значит, перехватила раньше.

– Ты в поезде или на вокзале ничего не ела?

– Пирожки с рыбой, мы их на какой-то станции днем купили...

– Понятно. Теть Нин, нужно примерно пол-литра теплой кипяченой воды, немного соды и тазик.

– Ой, что ты со мной собираешься делать? Может, не надо?

– Ничего я не собираюсь. Ты сейчас сама выпьешь воду, а потом тебя вырвет. Тазик нужен, чтобы не на пол. Да чего ты трясешься? Голова-то болеть перестала?

– Да... только... Вить, неудобно, я же там под одеялом голая...

– Ладно, я выйду. А ты делай, что сказано, потом накинь что-нибудь и позови меня.

В общем, на этом лечение практически завершилось. Вера благополучно проблевалась, потом ее пронесло, и уже к одиннадцати часам вечера она была в полном порядке, о чем тут же сообщила мне. Я, снова взяв ее за руки, убедился, что так оно и есть.

– Все, можешь ложиться спать.

– Вить, а что это было? Доктора вроде должны таблетки давать или уколы делать, а ты так...

– Тебе уколов не хватает? Могу устроить, шприц у меня есть. А называется это мануальная активация латентных возможностей организма, – «объяснил» я. – Твоего, между прочим. Выздоровела ты сама, а я просто помог.

– Ух ты, и как здорово помог-то! А где такому учат?

– В армии, – по привычке отбрехнулся я, но на всякий случай добавил:

– Правда, не всех. Далеко не всех, способности иметь надо.

– Интересно, у меня они есть?

– Это еще неизвестно, они, как правило, проявляются не в детском возрасте, а позже.

– Я уже не ребенок! – возмутилась пигалица.

– Ага, ты это еще кому-нибудь расскажи, может, кто и поверит. И вообще уже двенадцатый час. Тебе давно спать пора, да и мне тоже, завтра-то на работу.

Вернувшись к себе, я задумался – а правильным ли было мое слепое следование душевному порыву? С одной стороны, я вроде знаю, что и без всяких моих вмешательств Вера доживет как минимум до две тысячи восемнадцатого года, зато теперь помощь Ефремову откладывается – как целитель я сейчас полный ноль, и неизвестно, насколько это затянется. С другой – это она в том варианте судьбы, где не было меня, дожила до семидесяти лет. Так не факт, что она там вообще ездила в Крым! То есть та ее жизнь уже давно стала не безусловной колеей, а всего лишь ориентиром. Мол, как оно могло быть, если бы не я.

И, наконец, в-третьих – если бы Ефремов узнал, что я в целях ускорения его лечения не оказал помощь больной девочке, вряд ли он это одобрил бы. Скорее наоборот. В общем, ладно, решил я, что сделано, то сделано. И вообще пора спать.

Утром я смог лишний раз убедиться, что Скворцов – это не Антонов. У меня уже потихоньку начали восстанавливаться способности! До максимума им, разумеется, было еще далеко, но для Антонова и такое было практически за гранью возможного. Да, здешний Витя могуч! Ладно, славословия самому себе оставим на потом, пора на работу, хотя до половины десятого, когда официально начинался мой рабочий день, еще два с половиной часа, а дорога занимает от двенадцати до четырнадцати минут. Но мне некогда лениться, надо побыстрее заканчивать очередной прибор, а то денег после покупки «Явы» осталось впрытик на жратву, однако желание купить еще и магнитофон никуда не пропало.

Глава 9

Вскоре я пришел к выводу, что Скворцов не только сильнее Антонова как экстрасенс, у него еще и зрение лучше. Случилось это после того, как я ночью выехал на «Яве» за город, чтобы посмотреть, насколько катастрофична ситуация с ее светом. Оказалось, что далеко не настолько, как я боялся. До идеала, конечно, было далеко, но фара все-таки позволяла уверенно ехать в темноте со скоростью пятьдесят-шестьдесят километров в час. По воспоминаниям же Антонова выходило, что быстрее сорока в таких условиях ездить уже опасно. А это означало, что Скворцов видит лучше – по крайней мере, в темноте.

Да и восстановиться после сеанса воздействия у него получилось быстрее, уже через шесть дней я смог приступить к поправке здоровья Ефремова. М-да... мне, вообще-то, три раза в жизни встречались пациенты и потяжелее. Выжил один из них, оставшимся двоим удалось только немного оттянуть конец – примерно на месяц.

Сердце, как я и ожидал, работало совсем плохо. А как оно могло иначе, с такими-то почками? Одна вообще почти не функционирует. Да и с печенью тоже далеко не идеал. И со спиной-то у него что? Я этого пока просто не понял.

В общем, за три часа с двумя перерывами я смог всего лишь немного помочь той почке, что хоть как-то работала, и прекратил сеанс, потому что выложился весь, досуха.

– Вы в порядке? – с беспокойством в голосе поинтересовался Иван Антонович.

– Это нормально, так всегда бывает, – почти правдиво буркнул я, вытирая пот со лба. – Мне бы теперь часок посидеть, не вставая, и попить-поесть чего-нибудь сладкого. А вы как?

– Вроде немного получше, привкус во рту пропал, даже как-то непривычно. А в остальном...

– А в остальном потребуется не меньше десятка сеансов, если не все двадцать, – вздохнул я. – И то пока неясно, удастся ли достичь хоть сколько-нибудь полного успеха.

– Да вы не расстраивайтесь, я к своему состоянию отношусь как к неизбежной данности. Даже странные какие-то аналогии приходят в голову – чувствую себя торпедированным броненосцем. Огромная пробоина, вода прибывает, но ход еще есть, причем он пока не падает, и орудия стреляют даже точнее и чаще, чем до попадания. Ибо весь экипаж понимает, что терять уже нечего и надо просто успеть выполнить все ему назначенное до того, как волны сомкнутся над кораблем. Я, прочитав про себя в вашем смартфоне, даже слегка удивился – надо же, как много мне осталось! Примерно на уровне самых оптимистичных предположений.

– Вот-вот, а мы вашему броненосцу заведем на пробоину пластырь, откачаем воду из отсеков, и он, глядишь, все-таки доберется до базы, где ему сделают уже настоящий ремонт. Главное, чтобы экипаж не расслабился раньше времени, опасность еще далеко не миновала.

На столике перед креслом, где в позе помирающей медузы слабо шевелился я, усилиями Таисии уже материализовалась здоровенная фарфоровая кружка с чаем и внушительных размеров блюдо с пирожными.

– У нас прямо как во Франции времен Людовика Шестнадцатого, – улыбнулась она. – И я в роли Марии-Антуанетты. Как там она сказала – «У народа нет хлеба? Пусть ест пирожные!». Вот так, а хлеба действительно нет уже третий день подряд. Говорят, надо в шесть утра занимать очередь, тогда, может, и достанется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.